

Митрополит ИЛАРИОН (Алфеев)

ИИСУС ХРИСТОС

жизнь и учение

Книга III ЧУДЕСА ИИСУСА

Иисус Христос. Жизнь и учение

Иларион (Алфеев)

**Иисус Христос. Жизнь и учение.
Книга III. Чудеса Иисуса**

Торговый Дом "Познание"

2018

УДК 27-317.5
ББК 86.37-3

(Алфеев) И.

Иисус Христос. Жизнь и учение. Книга III. Чудеса Иисуса /
И. (Алфеев) — Торговый Дом "Познание", 2018 — (Иисус
Христос. Жизнь и учение)

ISBN 978-5-906960-37-5

Третья книга шеститомной серии «Иисус Христос. Жизнь и учение» посвящена чудесам Иисуса, описанным в четырех Евангелиях. Чудеса — тот аспект деятельности Иисуса Христа, который при Его жизни вызывал наибольший интерес окружающих. Каждое из евангельских чудес рассмотрено отдельно. При этом все чудеса, в соответствии с принятым в научной литературе принципом, сгруппированы в четыре категории: исцеления; изгнания бесов; чудеса, связанные с природой; воскрешения мертвых. Отдельные главы посвящены первому чуду Иисуса, о котором говорится в Евангелии от Иоанна, и Преображению, о котором повествуют все три синоптических Евангелия. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 27-317.5

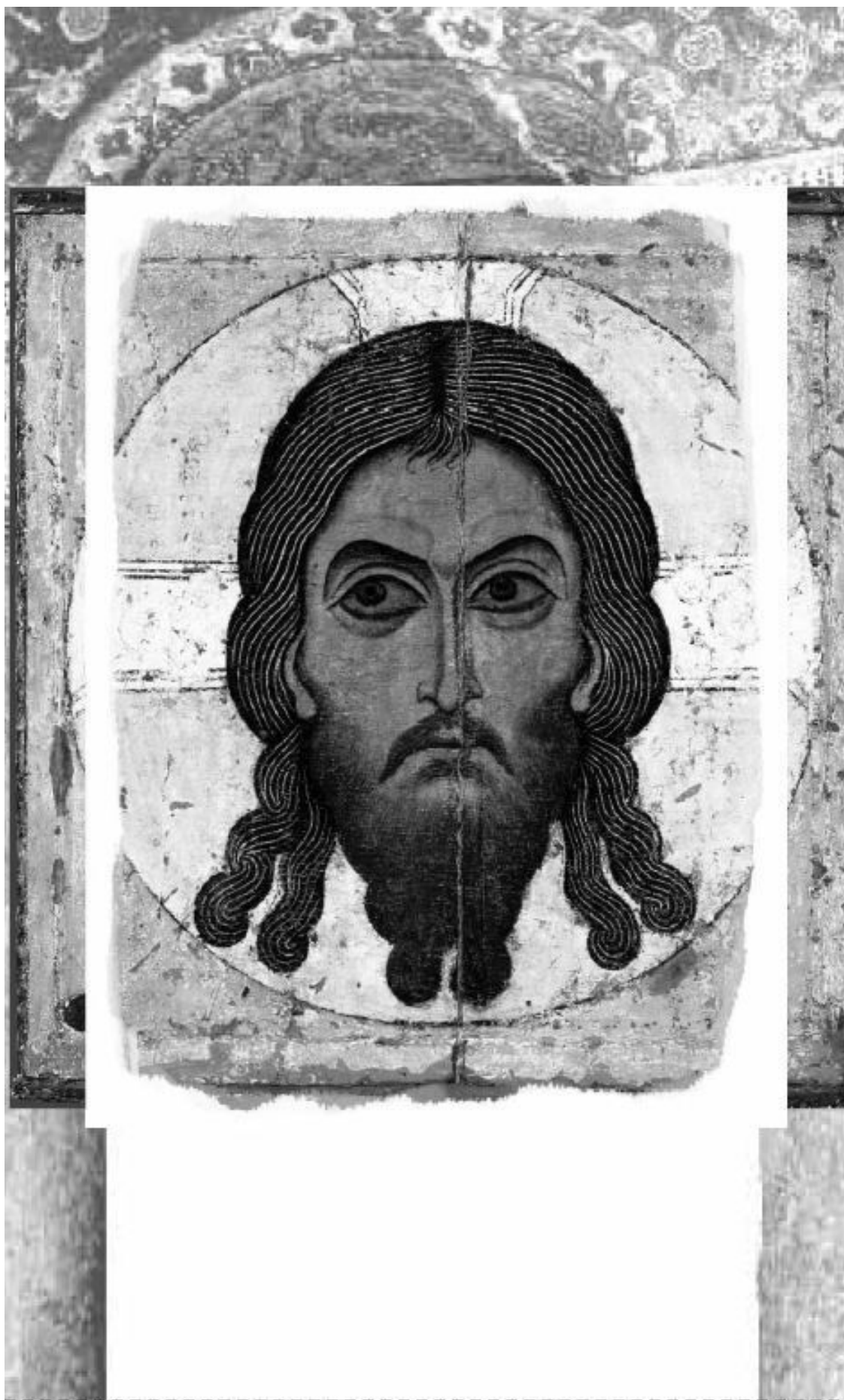
ББК 86.37-3

ISBN 978-5-906960-37-5

© (Алфеев) И., 2018
© Торговый Дом "Познание", 2018

Содержание

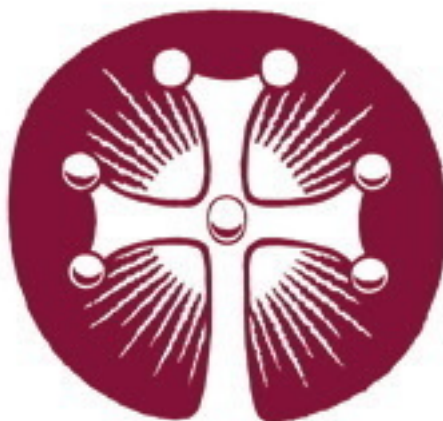
Предисловие	7
Глава 1	11
1. «Чудес не бывает»	18
2. Чудеса в Ветхом Завете	27
3. Чудеса в Евангелиях	39
4. Чудеса Иисуса в современной новозаветной науке	50
5. Сын Божий или «Божественный муж»?	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Митрополит Иларион (Алфеев) Иисус Христос: Жизнь и учение. Книга III. Чудеса Иисуса

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р16-617-0634

ПОЗНАНИЕ

© Иларион (Алфеев), митр., текст, 2018

© Издательский дом «Познание», оригинал-макет, 2018

Предисловие

Настоящая книга продолжает серию исследований о жизни и учении Иисуса Христа.

В основу подобных исследований нередко ложится хронологический принцип: события из жизни Иисуса рассматриваются в порядке, который выстраивается путем синхронизации повествований четырех евангелистов. Другой, не менее распространенный подход предполагает последовательное рассмотрение материала, содержащегося в каждом из четырех Евангелий или в одном из них. Есть и третий подход, предполагающий деление всего имеющегося материала на крупные тематические блоки. Соответственно, отдельно рассматриваются все притчи Иисуса, отдельно – все Его чудеса, отдельно – история Страстей. Этот подход и лег в основу серии книг под общим названием «Иисус Христос. Жизнь и учение». Каждому тематическому блоку посвящена одна книга.

Страсти. Анонимный художник. XV в.

В первой книге серии мы изложили общие принципы, которые легли в основу исследования, рассказали о важнейших направлениях современной новозаветной науки, о Евангелиях как главном источнике наших сведений об Иисусе. Затем были рассмотрены начальные главы четырех Евангелий и намечены некоторые магистральные темы, которые должны быть более полно изучены в последующих томах.

Вторая книга была посвящена Нагорной проповеди – самому продолжительному публичному выступлению Иисуса из всех вошедших в синоптические Евангелия. В нем сформулированы фундаментальные принципы Его нравственного учения, отражены Его взгляды на некоторые предписания закона Моисеева, перечислены качества, которыми должен обладать Его последователь, изложено учение о посте, молитве, милостыне.

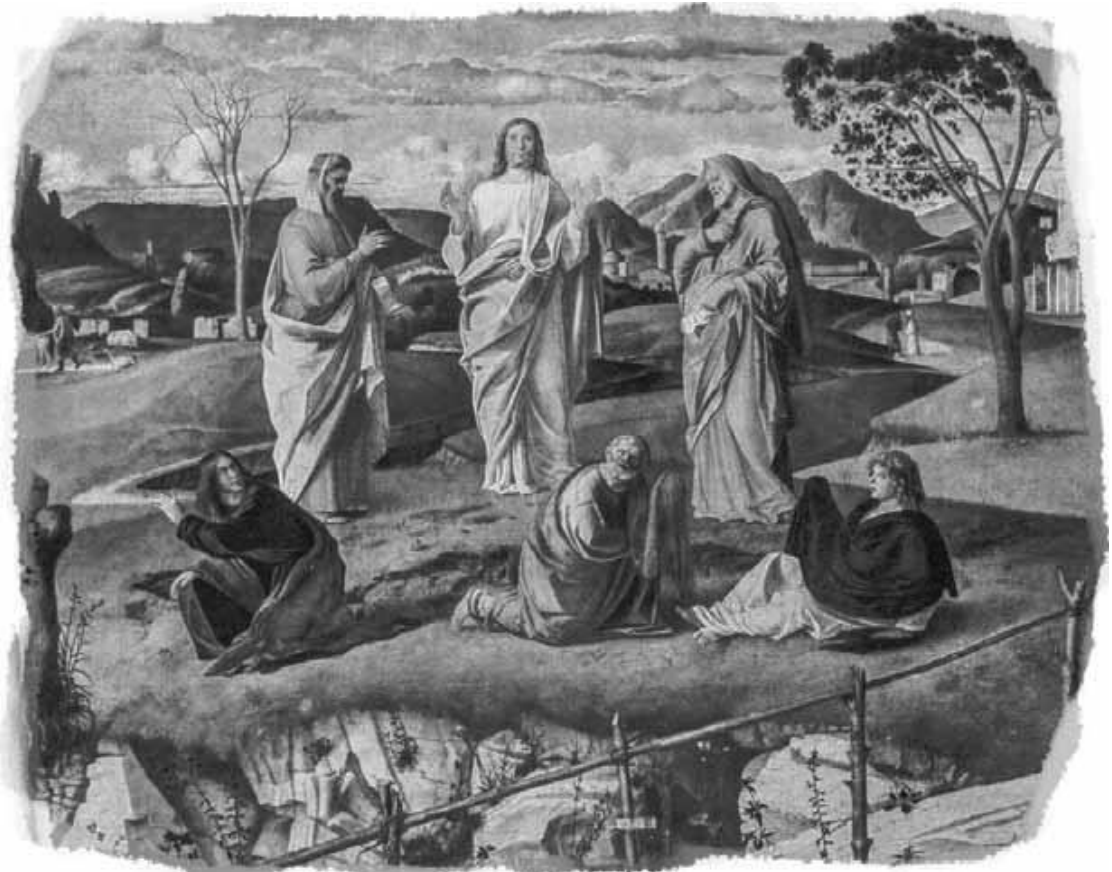
Третья книга посвящена чудесам Иисуса, описанным в четырех Евангелиях.

Купол греческой православной церкви в Кане Галилейской

Чудеса – тот аспект деятельности Иисуса Христа, который при Его жизни вызывал наибольший интерес. Толпы людей, привлеченные Его славой как целителя, окружали Его, куда бы Он ни приходил. Уже на начальном этапе Его служения в Галилее *прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана* (Мф. 4:24–25). Со временем Его слава только росла, а некоторые из исцеленных Им людей, в том числе женщины, вливались в группу Его учеников (Лк. 8:2–3).

Если следовать общепринятой хронологии, устанавливаемой на основании Евангелия от Иоанна, то все чудеса Иисуса, за исключением самого первого (претворения воды в вино на браке в Кане Галилейской), были совершены в течение трех лет: между первой Пасхой и четвертой.

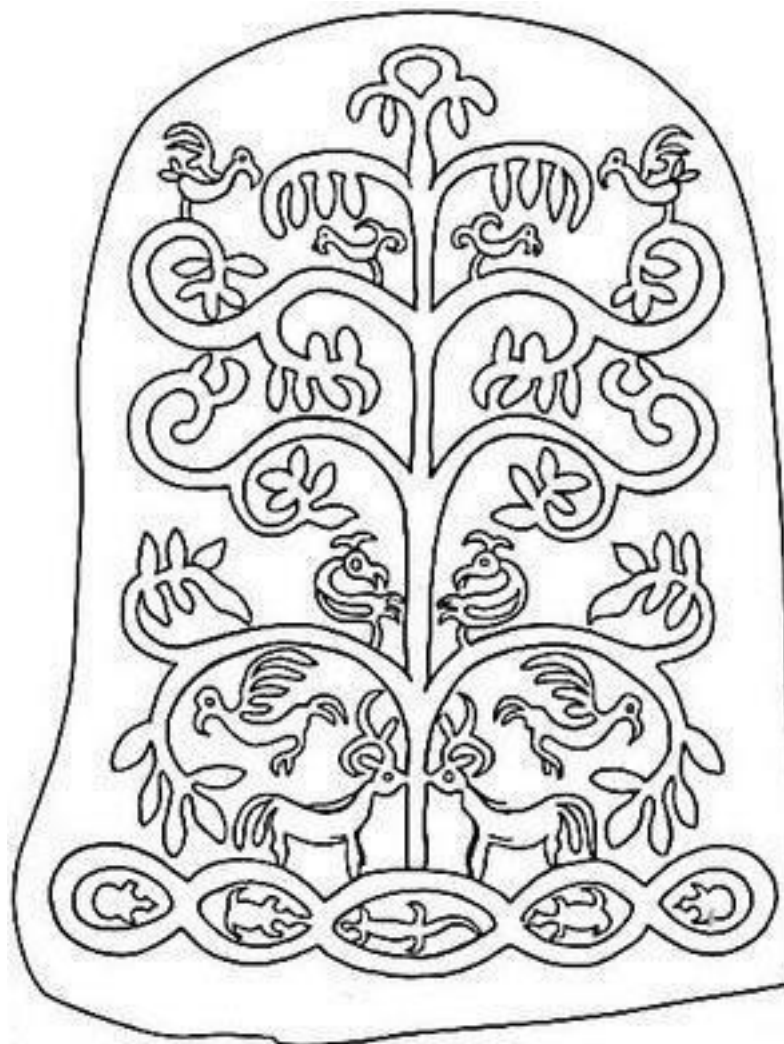
Преображение. Джованни Беллини. 1480–1485 гг.

По какому принципу евангелисты из множества совершённых Иисусом чудес отбирали те, повествования о которых они включали в свои книги? Мы можем лишь предположить, что они отбирали прежде всего чудеса, которые запомнились им своей яркостью и необычностью, например усмирение бури, хождение по водам, изгнание легиона демонов из бесноватого. Тот или иной эпизод мог войти в евангельский рассказ в том случае, если исцеленный был не просто одним из множества больных, которых десятками и сотнями приносили к Иисусу, а самостоятельной, запоминающейся фигурой: например, если он вступил в диалог с Иисусом (как, например, сотник из Мф. 8:5-13; Лк. 7:1-10), или если апостолы обратили на него особое внимание (например, слепорожденный из Ин. 9:1-7), или если он вернулся поблагодарить Иисуса (например, один из десяти прокаженных в Лк. 17:12-19). Некоторые чудеса упоминались потому, что они происходили в субботу, когда Иисус посещал синагогу, и вызывали негодование иудеев (начав с описания чуда, евангелист затем приводит диалог Иисуса с иудеями). Наконец, евангелисты обращают особое внимание на чудеса, совершённые в отношении лиц иной национальности и вероисповедания, например хананеянки (сирофиникиянки), самарянина, римского сотника.

В настоящей книге рассказ о чудесах Иисуса Христа будет предварен вступительным разделом, в котором мы рассмотрим феномен чуда с научной и исторической точек зрения, разберем аргументы тех, кто с рационалистических позиций отрицает саму возможность чудес. Затем мы укажем на некоторые чудеса ветхозаветных пророков, после чего попытаемся обобщить сведения о чудесах, содержащиеся в четырех Евангелиях.

Далее каждое из евангельских чудес будет рассмотрено отдельно. При этом все чудеса в соответствии с принятым в научной литературе принципом будут сгруппированы в четыре категории: исцеления; изгнания бесов; чудеса, связанные с природой; воскрешения мертвых.

Отдельные главы будут посвящены первому чуду Иисуса, о котором говорится в Евангелии от Иоанна, и Преображению, о котором повествуют все три синоптических Евангелия.

Глава 1 Чудо как религиозный феномен

Чудом принято называть явление, выходящее за рамки законов природы и имеющее сверхъестественный характер. При оценке и интерпретации чуда решающую роль играет мировоззренческая установка, с которой человек подходит к этому феномену.

Широко распространено мнение о том, что в Древнем мире вера в чудеса была всеобщей и лишь в Новое время, под влиянием научного прогресса, она поколебалась. Утверждают также, что вера в чудеса – характерная особенность всех религиозных традиций, тогда как неверие предполагает отрицание самой возможности чудес. Все эти расхожие мнения могут быть оспорены.

Конфуций

В Древнем мире вера в чудеса отнюдь не была всеобщей. Совсем не все религиозные традиции считают чудеса непременным атрибутом веры и святости. Основатели трех мировых религий – Конфуций, Будда и Магомет – к чудесам относились скептически или пренебрежительно¹, даже если впоследствии рассказы об их собственной жизни обрастали чудесными подробностями.

¹ Loos H. van der. The Miracles of Jesus. P. 10–11.

Будда

С другой стороны, отрицание возможности чуда вовсе не является неизменным спутником атеизма или агностицизма. В наш просвещенный век, нередко обозначаемый как век научно-технического прогресса, вера в чудеса распространена как никогда широко, в том числе среди людей безрелигиозных. На этой вере делают свой бизнес многочисленные экстрасенсы

и целители, ведуны и колдуны, специалисты по предсказанию будущего и по снятию «порчи», нередко оперирующие сверхъестественными силами, природу которых не знают ни они сами, ни их клиенты. Эта вера, с которой ведет жесткую борьбу Церковь, является причиной популярности гороскопов, гаданий, различного рода суеверий, вполне уживающихся с атеистическим мировоззрением.

Есть и еще одно широко распространенное мнение – о том, что чудеса могли происходить в древности, но не происходят сегодня. Это мнение также может быть оспорено на основании многочисленных исцелений, происходящих в наше время². Разумеется, каждый такой случай при желании может быть истолкован как счастливое стечение обстоятельств, удачное совпадение, либо же достоверность информации может быть оспорена.

² Недавнее монументальное исследование К. Кинера, посвященное чудесам, содержит описание множества явлений, интерпретируемых как чудо в разных частях света, а также случаев одержимости и экзорцизма. См.: *Keener C. S. Miracles. Vol. 1. P. 264–358; Vol. 2. P. 788–856.*

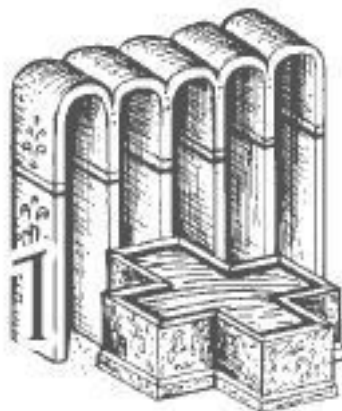

Магомет (Мухаммед), изображенный с закрытым лицом. *Иллюстрация Сиери Неби. XVI в.*

Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что для некоторых христианских традиций (в частности, для католицизма) наличие документально подтвержденного чуда, связанного с тем или иным лицом, является неперенным условием для его канонизации – причисления к лику святых. В этом случае чудо оказывается частью вполне формализованного процесса, облеченного в научные рамки, требующего доказательств, свидетельств, документов и даже некоего подобия судебного процесса, один из участников которого выступает в роли «адвоката дьявола», суммируя аргументы против чуда. Один лишь этот пример свидетель-

ствует о том, что для христианской традиции чудо продолжает оставаться опытом, не ограниченным рамками определенного хронологического периода в прошлом.

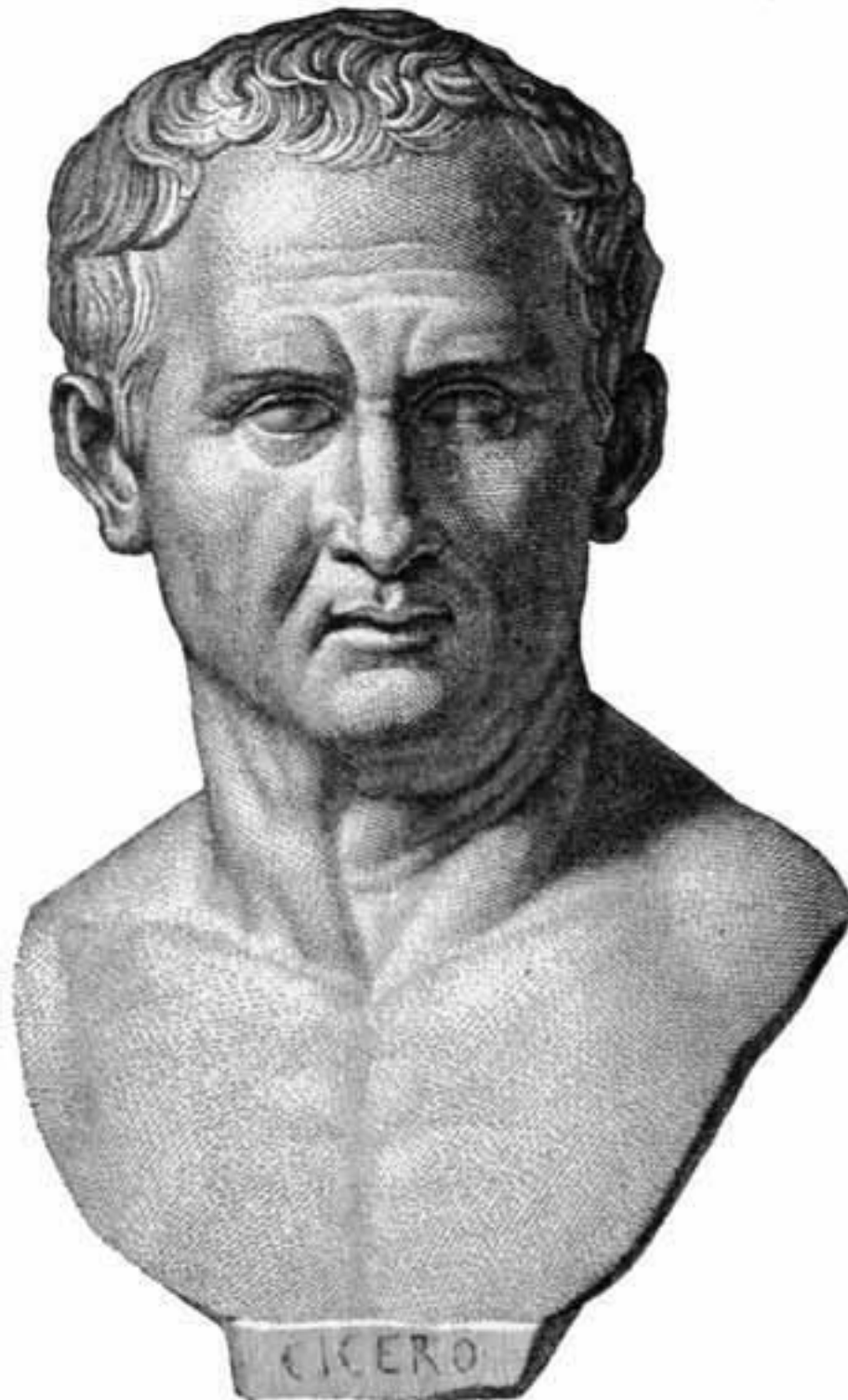
1. «Чудес не бывает»

Критика чудес с рационалистических позиций имеет многовековую историю. Уже в Древнем мире вера в чудеса подвергалась критике с позиций философского рационализма. Римский оратор Цицерон, в частности, полностью отрицал возможность чудес, выводя это из следующих логических посылок:

...Ничто не может произойти без причины, и ничто не случается такого, что не может случиться. А если произошло то, что смогло произойти, то в этом не следует видеть чуда. Значит, нет никаких чудес. То, что не может произойти, никогда не происходит; то, что может, – не чудо. Следовательно, чуда вовсе не бывает³.

³ Цицерон. О дивинации. 2, 28. С. 265.

Цицерон

В Новое время развитие критического отношения к чудесам напрямую связано с научно-техническим прогрессом. В эпоху Просвещения многие мыслители искренне верили, что при помощи науки можно объяснить любой природный феномен; если же феномен не укладывается в рамки научного объяснения, то он либо лишен достоверности, либо будет разгадан впоследствии. К этому же времени относятся многочисленные попытки создания «религии в пределах только, разума» – такого религиозного мировоззрения, которое полностью укладывалось

бы в рамки рационализма и, следовательно, исключало все, что представляется необычным, сверхъестественным.

Бенедикт Спиноза. *Портрет. 1666 г.*

Наивным позитивизмом и верой в то, что все может быть объяснено при помощи науки, проникнуты рассуждения философа Бенедикта Спинозы (1632–1677), посвятившего теме чудес отдельную главу своего «Богословско-политического трактата», направленного на развенчание церковного толкования Ветхого Завета. По словам философа, перекликающимся с приведенным выше мнением Цицерона, «в природе не случается ничего, что противоречило бы ее всеобщим законам, а также ничего, что не согласуется с ними или что не вытекает из них». Сила и мощь природы есть не что иное, как сила и мощь Бога, и «если законы и правила природы суть самые решения Бога, то, конечно, должно думать, что мощь природы бесконечна, а ее законы столь обширны, что простираются на все, что мыслит и сам Божественный разум. Иначе ведь придется утверждать, что Бог создал природу столь бессильной, а ее законы и правила установил столь бесполезными, что часто вынуждается вновь приходить к ней на помощь». Такое представление Спиноза считает чуждым разуму. Термин «чудо» (*miraculum*), по его словам, «можно понимать только в отношении к мнениям людей, и оно означает не что

иное, как событие, естественной причины которого мы не можем объяснить примером другой обыкновенной вещи или, по крайней мере, не может тот, кто пишет и рассказывает о чуде»⁴.

Любое явление, выдаваемое за чудо, по мнению философа, может быть объяснено. Но, поскольку в древности «чудеса совершались сообразно с пониманием толпы, которая, конечно, принципов естествознания совершенно не знала», то древние принимали за чудо то, что они не могли объяснить. Между тем причины многого из того, что в Священном Писании выдается за чудо, «легко могут быть объяснены из известных принципов естествознания»⁵.

Другой философ-позитивист, живший столетие спустя, Дэвид Юм (1711–1776), уделяет теме чудес отдельную главу своего трактата «Исследование о человеческом познании»:

Чудо есть нарушение законов природы, а так как эти законы установил твердый и неизменный опыт, то доказательство, направленное против чуда, по самой природе факта настолько же полно, насколько может быть полным аргумент, основанный на опыте...

То, что совершается согласно общему течению природы, не считается чудом. Не чудо, если человек, казалось бы, пребывающий в полном здравии, внезапно умрет, ибо, хотя такая смерть и более необычна, чем всякая другая, тем не менее мы нередко наблюдали ее. Но если умерший человек оживет, это будет чудом, ибо такое явление не наблюдалось никогда, ни в одну эпоху и ни в одной стране. Таким образом, всякому чудесному явлению должен быть противопоставлен единообразный опыт, иначе это явление не заслуживает подобного названия. А так как единообразный опыт равносителен доказательству, то против существования какого бы то ни было чуда у нас есть прямое и полное доказательство, вытекающее из самой природы факта.⁶

Логика рассуждений Юма полностью соответствует общему умонастроению тех философов-рационалистов, которые отвергали возможность чудес на основании их противоречия природным законам и здравому смыслу. Будучи деистами, эти философы не отрицали существования Бога, но само их представление о Боге полностью вписывалось в естественнонаучное мировоззрение. В их понимании Бог был Тем, Кто однажды раз и навсегда запустил механизм движения естественных законов и более уже не вмешивается в их действие. Более того, вмешательство Бога в течение природных явлений, по мысли Спинозы, противоречило бы представлению о совершенстве Божественного разума, лежащего в основе этих законов, поскольку предполагало бы, что Бог создал их несовершенными, не способными действовать всегда и везде, требующими постоянной коррекции.

⁴ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. С. 90.

⁵ Там же. С. 90–91.

⁶ Юм Д. Исследование о человеческом познании. С. 97–98.

Иммануил Кант

Теме чудес посвящен один из разделов «Религии в пределах только разума» Иммануила Канта (1724–1804). По его мнению, «моральная религия», то есть та, которая видит свою цель «не в формулах и обрядности, но в стремлении сердца к соблюдению всех человеческих обязанностей как Божественных заповедей», делает веру в чудеса излишней. Предписания долга не нуждаются в подтверждении чудесами. Кант ссылается на слова Христа: *если не увидите знамений и чудес, то не уверуете* (Ин. 4:48), а также на Его учение о том, что Богу следует поклоняться *в духе и истине* (Ин.4:23). Если религия, основанная на культе и обрядности, без чудес не имела бы никакого авторитета, то новая религия, к созданию которой призывает Кант, – религия, основанная на «моральном образе мыслей», – должна существовать на основах разума, «хотя в известное время она для своего учреждения и нуждалась в подобных вспомогательных средствах». Таким образом, с точки зрения Канта, вера в чудеса является признаком примитивной религиозности, тогда как религиозность прогрессивная, основанная на разуме, в чудесах не нуждается. Разумные люди, по словам философа, в теории веруют, что чудеса бывают, но на практике не признают никаких чудес. Вот почему «мудрые правитель-

ства, хотя они всегда допускают... что в старину чудеса действительно бывали, новых чудес уже не позволяют»⁷.

Кант считает наличие «теистических чудес», то есть связанных с вмешательством Бога в ход истории, противоречащим идее Творца и Правителя мира, Который является таковым «в силу порядка природы и морали»: «Если мы признаём, что Бог позволяет природе иногда, в особенных случаях, уклоняться от этих ее законов, то мы уже не имеем и даже не можем надеяться получить ни малейшего понятия о законе, которым руководится Бог при осуществлении подобного события. Здесь разум словно разбит параличом.»⁸ В этих мыслях Кант переключается со Спинозой.

Гегель. Шлезингер. 1831 г.

В 1795 году, спустя лишь два года после появления «Критики чистого разума» Канта, в свет выходит труд Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831) «Жизнь Иисуса», в котором рационалистический подход к феномену религии в полной мере применен к земной исто-

⁷ Кант И. Религия в пределах только разума. С. 323–324.

⁸ Там же. С. 325.

рии Иисуса из Назарета. Книга представляет собой свободный пересказ Евангелия с очень значительными купюрами. Она открывается весьма характерным зачином, долженствующим напомнить читателям о прологе Евангелия от Иоанна: «Чистый, не знающий пределов разум есть само божество. В соответствии с разумом упорядочен план мироздания, разум раскрывает перед человеком его назначение, непреложную цель его жизни; он часто меркнул, но никогда полностью не угасал, даже во мраке всегда сохранялось слабое его мерцание»⁹.

Иисус представлен в книге как морализатор, учащий людей разумному поведению. Чудеса Иисуса в труде Гегеля никак не упомянуты: философ просто исключил их из своего повествования. Те же события, которые в Евангелии представлены как имеющие сверхъестественный характер, перетолкованы в рационалистическом духе. Так, например, искушение от диавола толкуется в том смысле, что Иисусу однажды пришла мысль, «не следует ли посредством изучения природы и, быть может, в единении с высшими духами превратить неблагородную материю в более благородную, пригодную для непосредственного использования, например камни в хлеб, или вообще сделать себя независимым от природы (броситься вниз)». Однако Он «отверг эту мысль, подумав о границах, положенных природой власти человека над ней»¹⁰. Тайная Вечеря представлена как дружеский ужин, на котором «по обычаю восточных народов – подобно тому как еще в наши дни арабы освящают союз нерушимой дружбы тем, что едят от одного хлеба и пьют из одной чаши», Иисус «преломил хлеб и дал каждому из них, а после еды пустил по кругу чашу». При этом Он сказал: «Когда вы будете сидеть за дружественной трапезой, вспоминайте вашего старого друга и учителя...»¹¹ Книга заканчивается погребением Иисуса: воскресение в ней, разумеется, отсутствует как не вписывающееся в пределы разума.

Приведенных цитат вполне достаточно для понимания той интеллектуальной атмосферы, в которой развивалась европейская библейская критика XVIII–XIX веков. Последняя в полной мере испытала на себе влияние философского рационализма, не оставлявшего места чуду как историческому феномену. Именно евангельские рассказы о чудесах стали главным объектом критики со стороны тех протестантских теологов, которые попытались применить к своим исследованиям основополагающие методологические установки философов-рационалистов, таких как Кант и Гегель. Эти рассказы либо объявлялись полностью вымышленными и, следовательно, подлежащими исключению из жизнеописания «исторического Иисуса», либо в них усматривали историческое зерно, которое, однако, должно быть освобождено от мифологических напластований.

Давид Фридрих Штраус (1808–1874), ярый сторонник теории «демифологизации Евангелия» и последовательный гегельянец, создает свою «Жизнь Иисуса», в которой применяет к рассказам о чудесах следующий метод: если в каком-либо из этих рассказов «после исключения элемента чуда» можно усмотреть природное явление, значит в нем может быть историческое зерно; если же в нем нет ничего, кроме чуда, значит это чистый вымысел. Так, например, явления, сопровождавшие изгнание демонов, могут быть объяснены при помощи физиологии, следовательно, в рассказах об исцелении бесноватых может быть исторический элемент. Что же касается исцеления слепорожденного, то такое невозможно, следовательно, рассказ должен быть отвергнут как вымышленный.

Эрнест Ренан (1823–1892) идет дальше и в свое повествование о жизни Иисуса, впервые опубликованное в 1863 году, не включает ничего, что выходит за рамки естественного и обыденного:

⁹ Тегель Г. В. Ф. Жизнь Иисуса. С. 35. Парафраз слов из Евангелия от Иоанна: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1:1, 4, 5).

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. Жизнь Иисуса. С. 37.

¹¹ Там же. С. 90.

Чудес никогда не бывает; одни легковверные люди воображают, что видят их. Уже одно допущение сверхъестественного ставит нас вне научной почвы. Я отрицаю чудеса, о которых рассказывают евангелисты, не потому, чтобы предварительно мне было доказано, что эти авторы не заслуживают абсолютного доверия. Но так как они рассказывают о чудесах, я говорю: «Евангелие представляет собою легенду; в нем могут быть исторические факты, но, конечно, не все, что в них заключается, исторически верно»¹².

Пожалуй, дальше всех перечисленных авторов зашел Лев Толстой (1828–1910). Его критика чудес также основывается на рационалистических позициях, и пролог Евангелия от Иоанна он вслед за Гегелем переводит по-своему: «Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога. И разумение-то жизни стало Бог. Оно стало началом всего за Бога». Своему труду «Соединение и перевод четырех Евангелий» Толстой придал характер острого антицерковного памфлета, изобилующего не только искажениями (текст очень далек от того, что принято считать переводом, и, скорее, напоминает вольный и крайне тенденциозный пересказ), но и откровенными кощунствами.

¹² Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 6.

Остатки Силоамской купели. Современный вид

Все евангельские чудеса Толстым отвергаются на основании той же мировоззренческой установки, которая характерна для немецких и французских рационалистов типа Штрауса и Ренана. Исцеление расслабленного у Силоамской купели описывается так:

Иисус пришел к купальне и видит: под навесом лежит человек. Иисус спросил его, что он? Человек и рассказал, что он уже 38 лет хворает и все ждет, чтобы попасть в купальню первому, когда вода взыграется, да все не попадет, все прежде его войдут в купальню и выкупаются. Иисус посмотрел на него и говорит: напрасно ты ждешь здесь чуда от ангела; чудес не бывает. Одно чудо есть: что дал Бог людям жизнь и надо жить всеми силами. Не жди тут ничего у купальни, а собери свою постель и живи по-Божью, сколько тебе Бог силы дает. Хворый послушал его, встал и пошел...¹³

В комментарии к этому «переводу» Толстой пишет: «Я знал барыню, которая 20 лет лежала и поднималась только тогда, когда ей делали впрыскивание морфина: через 20 лет доктор, делавший ей впрыскивание, признался, что он делал впрыскивание водою, и, узнав это, барыня взяла свою постель и пошла»¹⁴. Здесь мы имеем дело не столько с отрицанием чуда как исторического события, сколько с его грубым, натуралистическим толкованием.

Рационализм, расцвет которого пришелся на эпоху Просвещения, выработал два подхода к феномену чуда: первый базировался на отрицании самой его возможности, второй – на его объяснении при помощи естественных причин. Согласно этому второму подходу, чудо может быть только кажущимся: ему всегда можно найти объяснение с научной точки зрения.

В соответствии с таким подходом изгнание демона из бесноватого трактуется как внезапное прекращение у человека психического расстройства, исцеление от болезни – как выздоровление, наступившее в силу естественных причин или под действием внушения, воскрешение из мертвых – как внезапное прекращение летаргического сна или выход из комы. Более того, сама болезнь могла быть кажущейся, как в случае с расслабленным и барыней, о которых пишет Толстой.

Воззрения мыслителей-рационалистов на чудеса базируются на банальной максиме, переходящей от одного автора к другому, от Цицерона вплоть до Ренана и Толстого: чудес не бывает. Эту максиму и в наше время многие принимают за аксиому: если где-то кто-то рассказывает о чуде, это либо означает, что рассказ недостоверен, либо – что чуда как такового не было, а имело место некое событие или явление, объяснить которое по каким-то причинам пока не удалось, но это можно будет сделать впоследствии. Вера в научный прогресс продолжает закрывать многим людям глаза на очевидные происходящие вокруг них чудеса, так что они *видя не видят, и слыша не слышат* (Мф. 13:13). О таких людях Иисус говорил, что они, *даже если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16:31).

¹³ Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. С. 348.

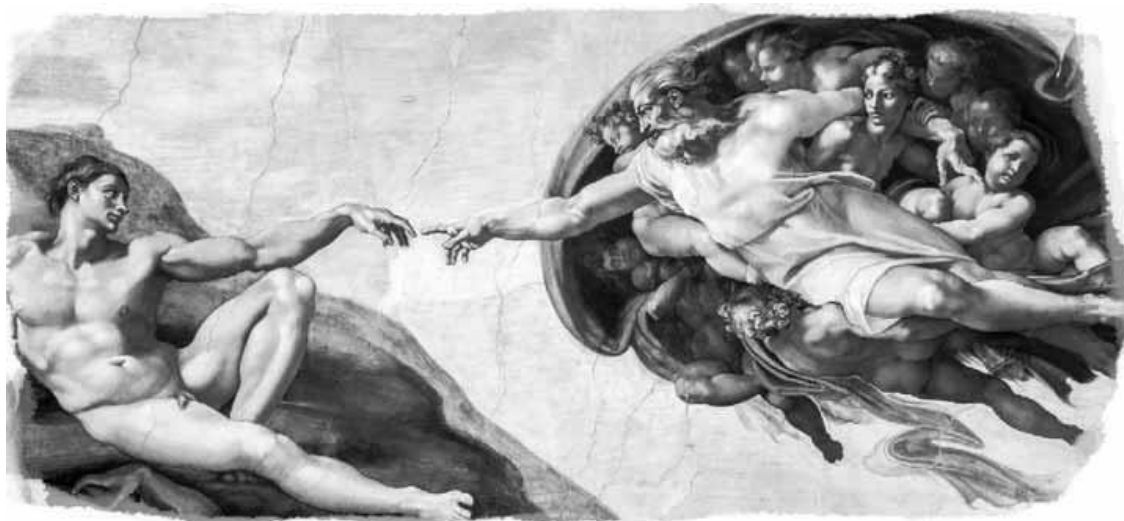
¹⁴ Там же. С. 311.

2. Чудеса в Ветхом Завете

Бог Ветхого Завета имеет мало общего с абстрактным и далеким от мира божеством деистов. Скорее, Он представляет ему полную противоположность.

По мнению большинства деистов, Бог – это высшее, разумное, сознающее само себя начало, которое создало мир и установило действующие в нем естественные законы, но затем отстранилось от мира и пустило его развитие на самотек. Бог деистов подобен часовщику, запустившему механизм часов и удалившемуся для других дел. Некоторые философы-деисты допускали возможность ограниченного вмешательства Бога в дела мира, однако общим местом было утверждение, что Бог не может нарушать Им же установленные законы, а это по определению исключает возможность чуда. Бог деистов не имеет никакого отношения к человеческой истории: Он априорно внеисторичен, абсолютно трансцендентен миру и человеку, с Ним невозможно личное общение, так как Он не является личностью.

Сотворение Адама. Фреска. Микеланджело. 1508–1512 гг.

Бог Ветхого Завета, напротив, самым активным образом вмешивается в дела людей. Он напрямую общается с Адамом, указывая ему, от какого древа можно вкушать, от какого нет (Быт. 2:16–17). После того как Адам и Ева нарушили заповедь, Бог ищет Адама в раю, спрашивая его: *Где ты?* (Быт. 3:9). Похожий вопрос Он обращает к Каину после убийства им Авеля: *Где Авель, брат твой?* (Быт. 4:9). Бог обращается к Ною, приказывая построить ковчег

и подробно описывая его конструкцию (Быт. 6:13–16). После окончания потопа Бог повторяет Ною благословение, данное Адаму: *Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...* (Быт. 9:1). Бог обращается к Авраму со словами: *Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение* (Быт. 12:1–2). Бог многократно лично обращается и к Аврааму, и к его потомкам, а также к другим персонажам книги Бытия.

В книге Исход главным собеседником Бога является Моисей. Он слышит из среды горящего куста голос Бога, призывающий его вывести израильский народ из египетского плена (Исх. 3:3-10). С этого момента начинается история, в которой Бог принимает самое деятельное участие. Основным содержанием книги Исход являются диалоги между Богом и Моисеем, с которым Бог говорит *лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим* (Исх. 33:11). Эти диалоги чередуются с повествованиями, в которых значительное место отведено действиям Бога, имеющим необъяснимый, сверхъестественный, чудесный характер.

Моисей перед Неопалимой купиной. Икона. XII в.

Чудо как прямое вмешательство Бога в человеческую историю является одним из основных элементов библейского повествования. Авторы библейских книг не видят в таком вмешательстве нарушения каких-либо установленных Богом законов: напротив, для них чудо – сверхъестественное событие, превосходящее человеческие возможности и имеющее Божественное происхождение¹⁵.

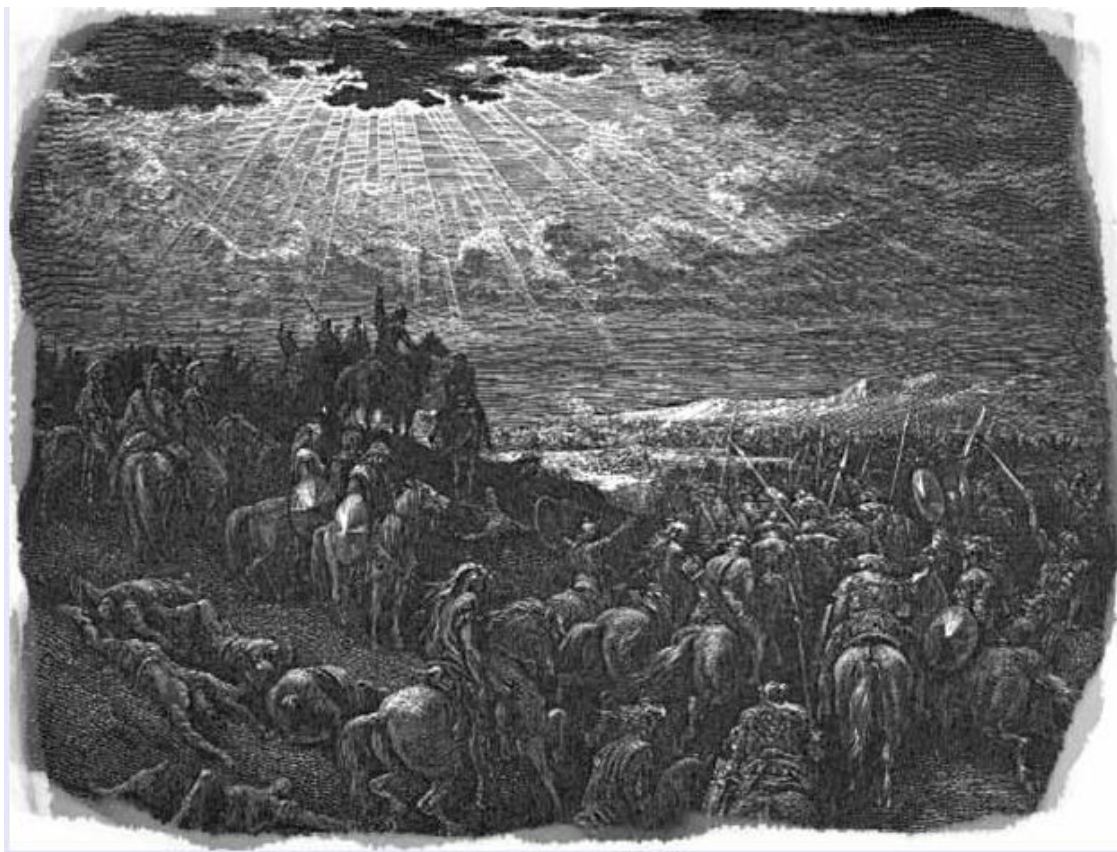
Книга Исход содержит описание большого числа событий, имеющих сверхъестественный характер и обозначенных в еврейской Библии терминами *אוֹת וּמוֹפְתִים* *’ótî v’môpētî*, в Септуагинте переведенными при помощи слов *σημείον* («знамение») и *τέρας* («чудо»). Эти термины применяются как к знамениям и чудесам Божиим (Исх. 7:3), так и к чудесам, которые по повелению Бога совершают Моисей и Аарон (Исх. 7:9).

Первым чудом, совершённым Моисеем на глазах у фараона, стало превращение жезла в змея. Однако фараон призывает волхвов и мудрецов египетских, и они делают то же самое при помощи своих чар (Исх. 7:8-12). Далее Моисей и Аарон превращают воду в кровь; волхвы делают то же (Исх. 7:14–22). Затем Аарон простирает жезл на воды египетские и выводит жаб, которые покрывают всю землю; волхвы делают то же (Исх. 8:1–7). Когда же Аарон при помощи жезла наводит на землю Египетскую тучи мошкары, то волхвы этого сделать не могут (Исх. 8:16–19). В этих рассказах впервые возникает тема соотношения между чудом как проявлением силы Божией и магией, или чародейством, как проявлением сил иного порядка, имеющих демоническую природу. Эта тема занимает важное место в Библии.

В дальнейшем повествовании о египетских казнях – наказаниях, которым Бог подверг египтян за то, что фараон не хотел отпустить еврейский народ, – чудеса совершаются исключительно Моисеем: упоминания о повторении их волхвами отсутствуют. Последней, десятой казнью становится смерть всех первенцев в земле египетской: это чудо совершает Сам Бог (Исх. 12:29). В память о нем и об исходе Израиля из Египта Бог устанавливает праздник Пасхи (Исх. 12:43–51).

Сама история исхода также наполнена чудесами. Бог идет перед станом израильтян *днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, Дабы идти им и днем и ночью* (Исх. 13:21). Когда израильтяне подходят к морю, их настигает конница фараона, но Моисей простирает жезл на море; воды расступаются, и евреи проходят *среди моря по суше*, а колесницы фараона гибнут в водах, сомкнувшись за спиной у израильтян (Исх. 14:21–28). В Мерре израильтяне не могут пить воду, потому что она горька: Моисей бросает в воду дерево, и она становится сладкой (Исх. 15:23–25). В пустыне народ не имеет еды, и Бог посылает с неба манну, которую израильтяне едят на протяжении сорока лет (Исх. 16:13–35). В Хориве, где народу нечего было пить, Моисей высекает источник воды из скалы (Исх. 17:2–6). В книге Чисел описывается, как во время пребывания народа израильского в пустыне много людей умерло от укусов ядовитых змей; Моисей по повелению Бога изготавливает медного змия и выставляет его на знамя; всякий, кто смотрит на это знамя, остается жив (Чис. 21:6–9).

¹⁵ Ср.: Twelftree G. H. Paul and the Miraculous. P. 21.

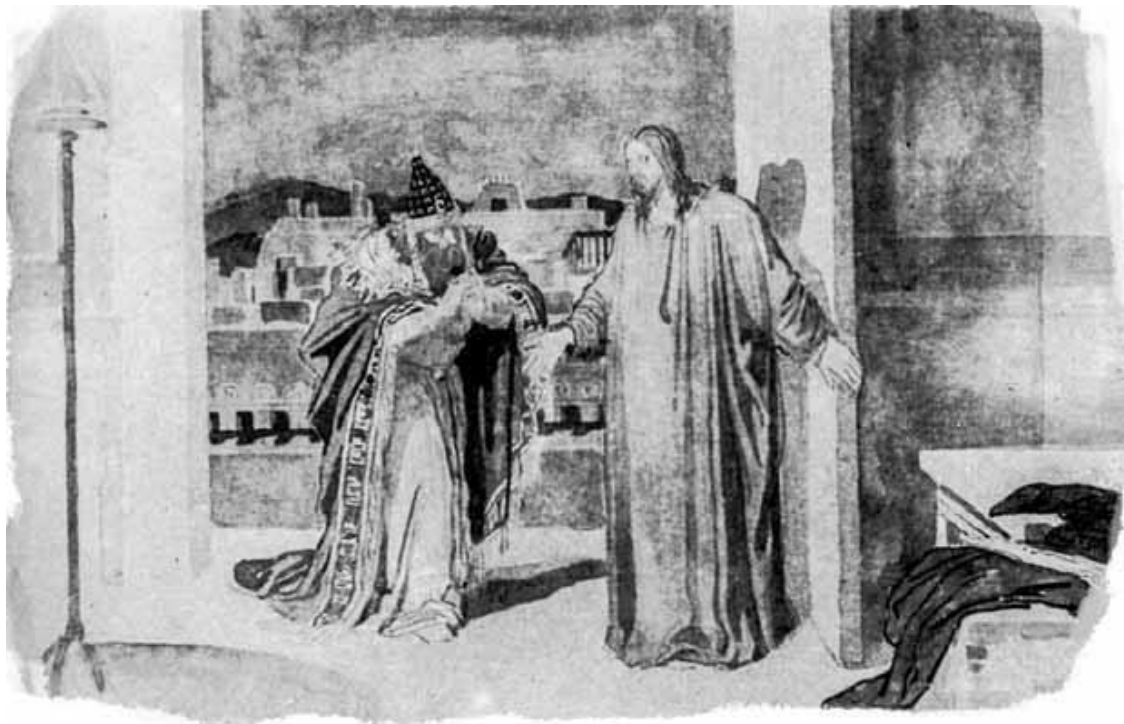
Иисус Навин останавливает солнце. Гравюра. Доре. 1860-е гг.

Серия чудес, начатая Моисеем, продолжается в жизнеописании его ученика, Иисуса Навина. Подобно Моисею, проведшему народ израильский по дну Красного моря, Иисус Навин провел народ вместе с ковчегом Завета по дну реки Иордан (Нав. 3:7-17). После того как в течение семи дней священники по повелению Иисуса Навина обносили ковчег Завета вокруг стен Иерихона, стена города обрушилась, израильтяне вошли в город и *предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом* (Нав. 6:5-20). Во время битвы израильтян с жителями Гаваона Иисус Навин приказал солнцу остановиться, и *остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим... И не было такого дня ни прежде ни после того, в который Господь [так] слушал бы гласа человеческого. Ибо Господь сражался за Израилья* (Нав. 10:12-14).

Приведенный рассказ об уничтожении войском Иисуса Навина целого города вместе со всеми его жителями – лишь одна из многочисленных жутких историй, которыми наполнен Ветхий Завет. Первой такой историей является описание Всемирного потопа, когда Бог, раскаявшись в том, что создал человека (Быт. 6:6-7), уничтожает все человечество, кроме одного семейства. Следующая устрашающая история – гибель двух городов, *когда пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сих, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли* (Быт. 19:24-25). Еще одна история подобного рода – египетские казни, когда Бог подвергает пыткам целый народ, а потом уничтожает в нем всех первенцев (Исх. 7-12).

Все эти истории содержат в себе элемент чуда, но чудо сопряжено с такой жестокостью, которая необъяснима с точки зрения человеческой логики, причем инициатором жестоких и массовых расправ с людьми в библейских рассказах, если читать их буквально, выступает Сам Бог. Только в свете новозаветного откровения повествования Ветхого Завета обретают смысл,

позволяющий воспринимать их под иным углом зрения – прежде всего как прообразы событий, связанных с пришествием в мир обетованного Мессии.

Христос и Никодим. А. А. Иванов. 1850-е гг.

Чудеса, описанные в исторических книгах Ветхого Завета, имеют прямое отношение к Новому Завету не только в качестве прообразов, но и в качестве материала, используемого Иисусом в Своей проповеди. Рассказы о чудесах Моисея были той частью священной истории израильского народа, которую знал каждый еврей: по этим рассказам детей учили в семье и в школе. Вполне естественно, что Иисус

неоднократно упоминал их. В беседе с Никодимом Он говорит: *И как Моисей вознес змию в пустыне, так Должно вознесену быть Сыну Человеческому* (Ин. 3:14). Отвечая иудеям, ссылавшимся на своих отцов, которые ели манну в пустыне, Иисус говорит: *Не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес* (Ин. 6:32).

В поучениях к народу Иисус ссылался на чудеса пророков Илии и Елисея, о которых рассказывается в 3-й и 4-й книгах Царств. В этих книгах повествования о чудесах играют подчиненную роль¹⁶. Основное внимание сосредоточено на деяниях царей – от Соломона и далее. Тем не менее значительное внимание уделено деяниям пророков – Илии, Елисея, Исаии и других.

В нескольких ярких эпизодах 3-й книги Царств главным героем становится пророк Илия. Рассказывается, в частности, о том, как во время голода Илия пришел в дом к вдове, у которой был единственный сын, и попросил воды и хлеба. Женщина ответила, что у нее есть лишь горсть муки. Пророк пообещал ей, что, если она исполнит его просьбу, *мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю*. И действительно, в течение длительного времени *мука в кадке не истощалась, и масло в кувшине не убывало, по слову Господа, которое Он изрек чрез Илию* (3 Цар. 17:8-16).

¹⁶ Lindars B. Elijah, Elisha and the Gospel Miracles. P. 65.

После этого сын женщины заболел, и болезнь его была так сильна, что не осталось в нем дыхания. Женщина с упреком обратилась к Илию: *Что мне и тебе, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего.* Но Илия взял мальчика, отнес его в горницу, положил на постель и, простершись над ним, трижды воззвал к Господу, после чего душа вернулась в тело мальчика и он ожил. *И взял Илия отрока, и свел его из горницы в дом, и отдал его матери его, и сказал Илия: смотри, сын твой жив.* И сказала та женщина Илию: *теперь-то я узнала, что ты человек Божий, и что слово Господне в устах твоих истинно* (3 Цар. 17:17–24). Беседуя с народом в назаретской синагоге, Иисус упоминает об этом случае (Лк. 4:26).

Подобный случай описан в 4-й книге Царств: здесь пророк Елисей воскрешает единственного сына богатой женщины, к которой он заходил подкрепиться и отдохнуть (4 Цар. 4:8-37). Здесь же рассказывается о том, как Нееман, военачальник царя Сирийского, исцелился от проказы по слову пророка Елисея (4 Цар. 5:1-14). Об этом исцелении Иисус также упоминает в проповеди в назаретской синагоге (Лк. 4:27).

Илия пророк с житием и деисусом. Икона. XVI в.

Некоторые деяния пророков отличались жестокостью, трудно объяснимой с точки зрения современных нравственных стандартов. Так, например, Самуил разрубил мечом царя Агага (1 Цар. 15:33). После того как Илия одержал победу над 450 пророками Бааловыми, он приказал схватить их, а затем собственноручно заколол – всех до единого (3 Цар. 18:40). Елисей наказал своего слугу Гиезия за обман тем, что проказа, сошедшая с Неемана, перешла на него, *и вышел он от него белый от проказы, как снег* (4 Цар. 5:20–27). Однажды, когда Елисей шел по дороге, *малые Дети вы шли из города и насмеялись над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка* (4 Цар. 2:23–24).

Один из образов, к которому Иисус неоднократно обращается в Своей проповеди, – пророк Иона. Книга, написанная именем этого пророка, повествует о том, как, не желая выполнить возложенную на него Богом миссию и идти с проповедью в Ниневию, пророк бежит от

Него в Иоппию, где садится на корабль, отплывающий в Фарсис. На море корабль настигает буря, Иону выбрасывают за борт, и его поглощает кит, во чреве которого он пребывает три дня и три ночи. Иона взывает к Богу из чрева кита, Бог освобождает его и отправляет обратно в Ниневию. В результате проповеди Ионы ниневитяне покаялись. *И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел* (Иона 3:10). Трехдневное пребывание Ионы во чреве кита в проповеди Иисуса переосмысливается как прообраз Его собственного трехдневного пребывания во чреве земли (Мф. 12:39–41; 16:34; Лк. 11:29–32).

Чудеса, совершаемые Богом, играют в книгах Ветхого Завета многофункциональную роль. Прежде всего они указывают на реальное, деятельное участие Бога в судьбе народа израильского. Он Сам идет в столпе облачном впереди народа (Исх. 13:21). Он Сам сходит на гору Синай в огне и призывает Моисея, чтобы дать через него заповеди и установления народу (Исх. 19:18). Когда закончилось строительство скинии, на нее сошло облако, и слава Господня наполнила ее. Когда облако поднималось, сыны Израилевы отправлялись в путь; если же оно не поднималось, они оставались на месте (Исх. 40:35–38). Когда вместо скинии был построен храм Иерусалимский, *облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень* (3 Цар. 8:10–11). Чудеса и знамения, совершаемые Богом, свидетельствуют о Его присутствии среди народа израильского, о Его неослабевающем интересе к судьбе Своего народа, о Его любви к нему.

Бог не просто дает повеления народу, а потом смотрит, исполняются они или нет: Он Сам помогает тем, кто верен Его заповедям; тех же, кто уклоняется от закона Его, Он жестоко наказывает. Когда народ отходит от почитания Бога, Бог карает его; когда народ возвращается к Нему, Он его прощает. По отношению к Израилю Бог действует как ревнивый муж по отношению к жене: в этом основной смысл образов, которыми открывается книга пророка Осии. В этом же смысл одного из имен, употребляемых по отношению к Богу в Ветхом Завете: Ревнитель (Исх. 20:5; 34:14; Втор. 4:24; 5:9), точнее – Ревнивец, то есть Тот, Кто ревнует свою жену – народ израильский – к другим богам.

Чудеса, совершаемые Богом, иллюстрируют величие и могущество Бога Израилева в сравнении с другими, ложными богами, которым поклоняются иные народы. Эта тема, проходящая лейтмотивом через весь Ветхий Завет, очень ярко выражена в следующих словах из книги Второзаконие:

Господь, Бог твой, есть Бог [благой и] милосердый; Он не оставит тебя и не погубит тебя, и не забудет завета с отцами твоими, который Он клятвою утвердил им. Ибо спроси у времен прежних, бывших прежде тебя, с того дня, в который сотворил Бог человека на земле, и от края неба до края неба: бывало ли что-нибудь такое, как сие великое дело, или слыхано ли подобное сему? слышал ли [какой] народ глас Бога [живого], говорящего из среды огня, и остался жив, как слышал ты? или покушался ли какой бог пойти, взять себе народ из среды другого народа казнями, знаменьями и чудесами, и войною, и рукою крепкою, и мышцею высокою, и великими ужасами, как сделал для вас Господь, Бог ваш, в Египте пред глазами твоими? (Втор. 4:31–34).

Та же тема звучит в Псалтири. Здесь Бог истинный противопоставляется богам ложным и в качестве одного из доказательств истинности Бога приводятся совершённые им в истории израильского народа чудеса:

Благословен Господь Бог, Бог Израилев, един творящий чудеса (Пс. 71:18).

Нет между богами, как Ты, Господи, и нет дел, как Твои. Все народы, Тобою сотворенные, придут и поклонятся пред Тобою, Господи, и прославят имя Твое, ибо Ты велик и творишь чудеса, – Ты, Боже, един Ты (Пс. 85:8-10). Воспойте Господу песнь новую; воспойте Господу, вся земля; пойте Господу, благословляйте имя Его, благовествуйте со дня на день спасение Его; возвещайте в народах славу Его, во всех племенах чудеса Его; ибо велик Господь и достохвален, страшен Он паче всех богов. Ибо все боги народов – идолы, а Господь небеса сотворил (Пс. 95:1–5).

Славьте Бога богов, ибо вовек милость Его. Славьте Господа господствующих, ибо вовек милость Его; Того, Который один творит чудеса великие, ибо вовек милость Его (Пс. 135:2–4).

Чудеса и знамения Божии призваны пробудить и укрепить веру в народе израильском. Авраам, которому Бог вопреки всякой очевидности и наперекор естественным законам обещает даровать наследника, когда он и Сарра находятся в глубокой старости, *поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность* (Быт. 15:6; ср. Гал. 3:6). Напротив, народ очень часто не верит Богу, несмотря на все совершённые над ним знамения (Исх. 14:11). Псалмопевец сетует на то, что, хотя Бог явил людям множество чудес, они *продолжали грешить и не верили чудесам Его* (Пс. 77:32); *не сохранили завета Божия и отрелись ходить в законе Его; забыли дела Его и чудеса, которые Он явил им* (Пс. 77:10–11).

Что же касается чудес, совершаемых людьми (Моисеем, Иисусом Навином), то они бывают вызваны различными причинами. Иногда чудо необходимо пророку или вождю, чтобы удостоверить людей в том, что он послан Богом (Исх. 4:1–9). В некоторых эпизодах чудо сопровождает военные действия, и их успех приписывается Богу, действующему через вождя или полководца (Исх. 14:21–28; Нав. 6:5-20; Нав. 10:12–14). В других случаях чудо необходимо для укрепления веры в Бога (Исх. 15:23–25; 17:2–6; Чис. 21:6–9).

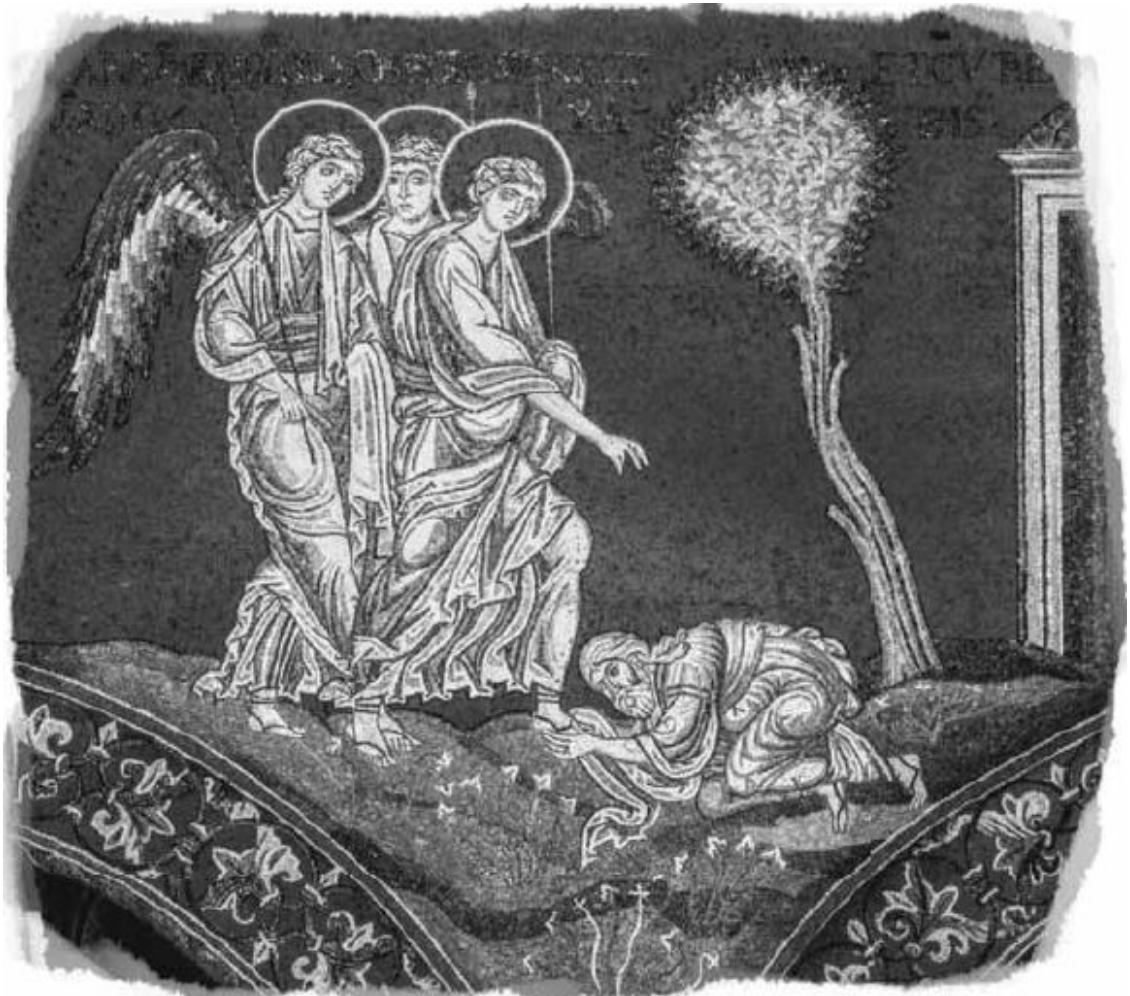
Чудеса пророков (Илии, Елисея и других) нередко имеют своей целью демонстрацию величия Бога и тщетности ложных богов (3 Цар. 18:38). Некоторые чудеса совершаются пророками из жалости и сострадания к конкретному человеку (3 Цар. 17:8-24; 4 Цар. 4:8-37; 4 Цар. 5:1-14).

Постоянными действующими лицами в Ветхом Завете являются ангелы. Их присутствие нередко придает библейскому рассказу особую тональность, свойственную повествованиям о чудесах. Ангел Господень является ветхозаветным праведникам и говорит с ними от лица Бога (Быт. 16:7; 21:17; 22:11; 32:1; 3 Цар. 19:5–7). Ангелы предстают перед пророками, вступают с ними в диалог и вразумляют их (Дан. 9:21; Зах. 1:9-14). Нередко праведники и пророки созерцают ангелов в видениях. Иаков видит лестницу, стоящую на земле, но достигающую неба: по ней восходят и нисходят ангелы Божии (Быт. 28:12). Исаия видит Господа, сидящего на престоле; вокруг Него стоят шестикрылые серафимы, взывающие: *Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!*; один из серафимов прилетает к пророку и горящим углем касается его уст (Ис. 6: 1–3, 6–7).

В Ветхом Завете ангелы предстают в виде воинства, находящегося по правую и левую руку Господа (3 Цар. 22:19). Дело ангелов – служить Богу как самодержцу, быть Его царедворцами, Его свитой. Господь восседает на херувимах (Пс. 17:11; 79:2), а они везут колесницу славы Божией (Иез. 10:9-19). В то же время ангелы – вестники Бога и слуги Его, выполняющие Его волю и Его распоряжения в отношении людей. В этом смысле ангелы являются посредниками между Богом и родом человеческим. Иногда ангелы выполняют функции губителей (2 Цар. 24:16; 4 Цар. 19:35; 1 Пар. 21:15–16; 2 Пар. 32:21; Ис. 37:36), однако гораздо чаще говорится о том, что они охраняют человека (Исх. 23:20; Тов. 3:17; Пс. 90:11) и спасают его (Ис. 63:9). У человека есть ангел-наставник, который показывает ему прямой путь (Иов 33:23).

Ангелы напрямую участвуют в чудесных событиях, происходящих с различными персонажами библейской истории. Три ангела приходят к Аврааму, и один из них возвещает ему, что у него родится наследник (Быт. 18:2-10). Ангел останавливает занесенную над Исааком руку Авраама (Быт. 22:11). Ангел является Моисею из среды горящего куста (Исх. 3:2). Ангел идет перед станом сынов Израилевых (Исх. 14:19). Ангел с обнаженным мечом преграждает путь Валааму (Чис. 22:22–35). *Воздъ воинства Господня*, также с обнаженным мечом, является Иисусу Навину перед битвой за Иерихон (Нав. 5:13–15). Ангел является Маной и его жене (Суд. 13:3-21).

Во многих случаях ангел не просто выступает в качестве вестника, говорящего от лица Бога: он отождествляется с Самим Богом. Три путника, явившиеся Аврааму, сначала названы мужами (Быт. 18:2), но потом один из них становится Господом (Быт. 18:13), а двое других ангелами (Быт. 19:1). Явившийся Моисею в горящем кусте сначала назван ангелом (Исх. 3:2), а потом Богом (Исх. 3:4–6). Маной после беседы с ангелом говорит жене: *Верно мы умрем, ибо видели мы Бога* (Суд. 13:22).

Авраам поклоняется трем ангелам под Мамврийским дубом. *Мозаика. XII в.*

Ветхий Завет наполнен повествованиями о чудесах, однако эти повествования относятся лишь к определенным периодам истории израильского народа:

Если оставить в стороне историю первобытных времен (Быт. 1-11) ... то исторический период, представленный в книгах Ветхого Завета, охватывает около 1700 лет. Чудеса, о которых там рассказано, относительно

немногочисленны для такого долгого периода и не распределяются равномерно по разным эпохам. Они почти отсутствуют в истории патриархов, кроме гибели Содома и Гоморры (Быт. 19:24–28) и рождения сына-первенца у Сарры в старости (Быт. 21:1–7), но изобилуют в книге Исход и в начале книги Иисуса Навина; очень редки в истории Илии и Елисея (3 и 4 Цар.), а затем почти совсем исчезают¹⁷.

Гибель Содома. Г. И. Семирадский. Конец 1860-х гг.

В памяти израильского народа наиболее ярко запечатлелись события, связанные с исходом из Египта. Именно эти события легли в основу главных религиозных праздников, именно о них чаще всего вспоминали в проповедях, звучавших в синагогах. На разных этапах своего бытия народ израильский возвращался мыслью к славному прошлому, описанному на страницах исторических книг Ветхого Завета, к чудесам и знамениям, сотворенным Богом.

¹⁷ Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии. Ветхий Завет. С. 198.

Капернаумская синагога

Ностальгия по этим чудесам пронизывает значительную часть Ветхого Завета начиная с Псалтири, где они описываются как совершённые *во дни древние* (Пс. 43:2; 142:5). Псалмопевец говорит: *Открою уста мои в притче и произнесу гадания из древности. Что слышали мы и узнали, и отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа, и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил* (Пс.77:2–4). Пророк Исаия взывает к Богу: *Восстань, восстань, облекись крепостью, мьшица Господня! Восстань, как в дни древние, в роды давние!* (51:9).

Представление о том, что чудеса остались в далеком прошлом, а к настоящему времени иссякли, что Бог некогда являл Свою силу, а теперь перестал, было широко распространено в Израиле в течение длительного периода. Ко временам Иоанна Крестителя и Иисуса это представление имело уже многовековую историю.

3. Чудеса в Евангелиях

Атмосфера чуда, присутствующая в книгах Бытия, Исход, Иисуса Навина и в некоторых пророческих книгах, возрождается в евангельских рассказах о событиях, сопровождающих рождение Иисуса в Вифлееме. Эта атмосфера создается прежде всего за счет присутствия в повествовании ангелов¹⁸. У Матфея ангел трижды во сне является Иосифу (Мф. 1:20; 2:13, 19). У Луки ангел Гавриил является Захарии (Лк. 1:11–20), затем – он же посылается к Деве Марии (Лк. 1:26–38). Ангел возвещает пастухам о рождении Младенца, а потом вместе с ним является *многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лк. 2:9-14). После того как Иисус преодолел все искушения от диавола в пустыне, *оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему* (Мф. 4:11).

Рассказы о чудесах, совершённых Иисусом после выхода на служение, составляют существенную часть евангельских повествований. В Евангелии от Марка чудесам посвящено не менее трети всего текста, при этом в первых десяти главах, предворяющих историю Страстей, они занимают около половины от общего объема¹⁹. В двух других синоптических Евангелиях соотношение между, с одной стороны, рассказами о чудесах, а с другой – прочими повествованиями и поучениями Иисуса несколько иное, однако и в них рассказы о чудесах занимают существенное место. В общей сложности у Матфея содержится описание 19 чудес, у Марка – 18, у Луки – 20²⁰. В Евангелии от Иоанна насчитывается лишь 7 чудес²¹; при этом большинство из них описано с подробностями, не свойственными рассказам других евангелистов.

¹⁸ См.: *Humphrey E. M. God and Angels*. P. 46–49.

¹⁹ *Meier J. P. A Marginal Jew*. Vol. II. P. 619.

²⁰ *Achtemeier P. J. Jesus and the Miracle Tradition*. P. 12. Другие ученые насчитывают 21 упоминание о чуде в Евангелии от Марка. См.: *Glasswell M. E. The Use of Miracles in the Markan Gospel*. P. 153.

²¹ *Kim S. S. The Miracles of Jesus according to John*. P. 109–187.

Божия Матерь и архангел Гавриил. *Русская икона. XIX в.*

Разница между евангелистами наблюдается не только в количестве описываемых чудес и в сюжетной канве рассказов. Имеются различия также в перспективе, в которой рассматриваются чудеса в каждом из Евангелий.

В Евангелии от Матфея подчеркивается взаимосвязь между учительным служением Иисуса и Его чудесами. Рассказ о девяти чудесах в главах 8–9 этого Евангелия следует непосредственно за Нагорной проповедью, составляя вместе с ней как бы две половины одного диптиха. Чудеса у Матфея подтверждают, что Иисус – Сын Давидов и новый Моисей. Матфей описывает чудеса в целом короче, чем Марк, опуская некоторые подробности. Теме изгнания бесов из одержимых Матфей уделяет меньше внимания, чем Марк²².

Для Марка чудеса Иисуса – красноречивое и яркое доказательство того, что Он является Сыном Божиим: это не может быть сокрыто даже от демонов. Иисус как Чудотворец не может быть отделен от Иисуса-Учителя, и чудеса, подобно притчам, выполняют учительные функции (по словам современного исследователя, «чудеса привлекают внимание к проповеди, пропо-

²² Подробнее о чудесах в Евангелии от Матфея см. в: *Twelf-tree G. H. Jesus the Miracle Worker*. P. 140–143.

ведь придает значение чудесам»²³). Повествования о чудесах вправлены в общий контекст развивающегося конфликта между Иисусом и религиозными лидерами еврейского народа. Тема чудес тесно взаимосвязана с темой веры: чудеса укрепляют в людях веру в Иисуса как Сына Божия; без веры не может быть чуда; неверие является препятствием к совершению чудес²⁴.

Лука, будучи автором двух книг – Евангелия и Деяний, – уделяет внимание теме чудес в обеих книгах. Чудеса Иисуса, имея прообразы в Ветхом Завете, в свою очередь служат прообразами чудес, которые во имя Его будут совершаться апостолами. Для Луки чудеса Иисуса являются доказательством того, что Он – истинный Мессия и Господь. Подчеркивается действие Святого Духа в чудесах Иисуса и апостолов. Уже при жизни Иисус наделяет учеников даром чудотворения, после Его смерти и воскресения этот дар сохранится и умножится в апостольской общине²⁵.

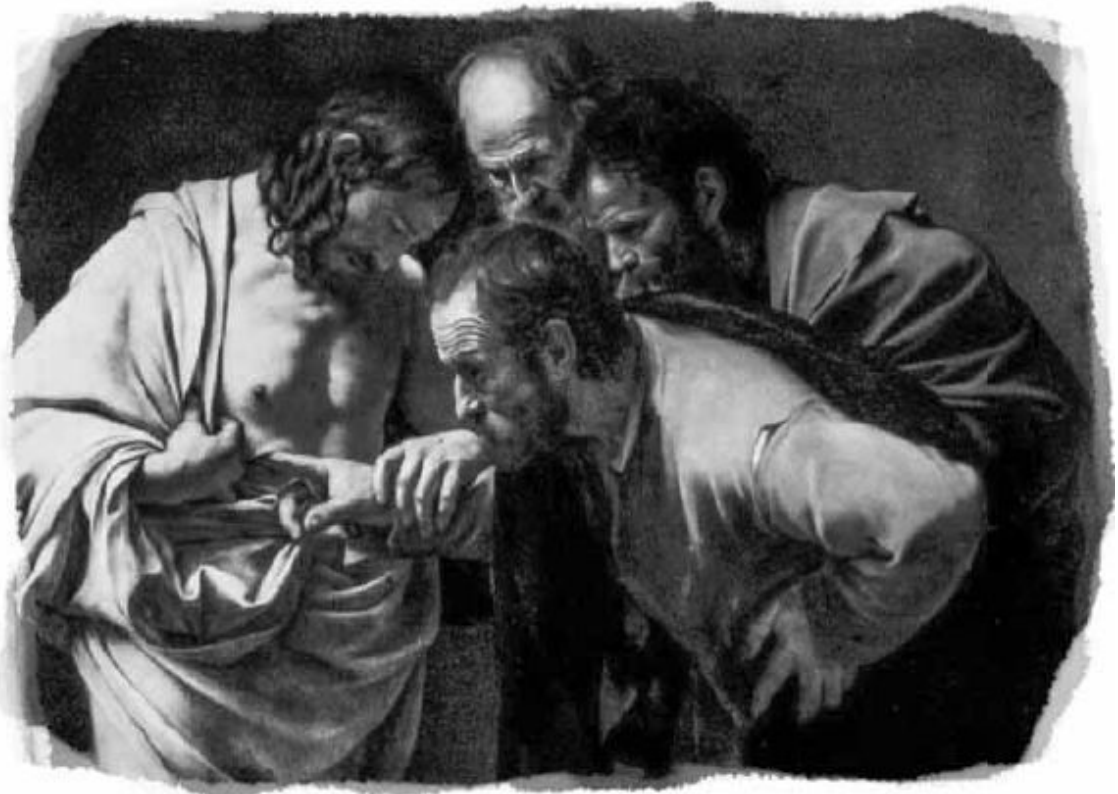
В Евангелии от Иоанна чудеса вписываются в общую картину знамений (σημεῖα), при помощи которых Сын Божий открывает людям Свою славу – славу, как Единородного от Отца (Ин. 1:14). Личность предвечного Слова Божия, принявшего человеческую плоть, раскрывается через каждое из этих знамений по-разному, и большинство рассказов о чудесах служит прологом к беседам, в которых та или иная грань служения Иисуса получает богословское истолкование²⁶. Цель, с которой Иоанн рассказывает о чудесах Иисуса, изложена самим евангелистом в следующих словах: *Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его* (Ин. 20:30–31). Таким образом, констатируется, с одной стороны, заведомая неполнота в изложении совершённых Иисусом чудес: их было намного больше, и если описывать всё, то весь мир не вместил бы написанных книг (Ин. 21:25). С другой стороны, подчеркивается, что рассказ о чудесах является неотъемлемой частью Евангелия как свидетельства, призванного укрепить в читателях веру, наиболее полно выраженную в исповедании Фомы: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20:28).

²³ Knight J. Jesus. P. 158.

²⁴ Подробнее о чудесах в Евангелии от Марка см. в: Twelf-tree G. H. Jesus the Miracle Worker. P. 93–100.

²⁵ Подробнее о чудесах в Евангелии от Луки см. в: Twelftree G. H. Jesus the Miracle Worker. P. 167–188.

²⁶ Подробнее о чудесах в Евангелии от Иоанна см. в: Kim S. S. The Miracles of Jesus according to John. P. 28–72; Keener C. S. The Gospel of John. Vol. 1. P. 251–279.

Уверение святого Фомы. Караваджо. 1601–1602 гг.

В общей сложности мы находим в Евангелиях около 35 полноценных рассказов о чудесах, не считая кратких упоминаний о различного рода сверхъестественных событиях, сопровождавших жизнь и служение Иисуса. В это число входит 16 исцелений²⁷; 6 изгнаний бесов из одержимых²⁸; 3 воскрешения из мертвых; 3 события, иллюстрирующие власть Иисуса над природой (хождение по водам, усмирение бури и проклятие смоковницы); 5 других сверхъестественных событий (превращение воды в вино, насыщение пяти тысяч пятью хлебами и семи тысяч четырьмя хлебами, 2 чудесных лова рыбы). Два чуда описаны только у Матфея, 2 – только у Марка, 5 – только у Луки, 6 – только у Иоанна²⁹, остальные упоминаются у двух или трех евангелистов (в том числе 12 – у трех синоптиков). Лишь одно чудо (насыщение пяти тысяч пятью хлебами) описывают все четыре евангелиста.

Некоторые исследователи сводят общее число чудес к двадцати семи³⁰, однако это число достигается в том случае, если интерпретировать два эпизода, описанные евангелистами, как

²⁷ 1) Исцеление сына царедворца (Ин. 4:43–54); 2) исцеление расслабленного при Овечьей купели (Ин. 5:1–16); 3) исцеление сына капернаумского сотника (Мф. 8:5–13; Лк. 7:1–10); 4) исцеление тещи Петра (Мф. 8:14–15; Мк. 1:30–31; Лк. 4:38–39); 5) исцеление прокаженного (Мф. 8:2–4; Мк. 1:40–45; Лк. 5:12–15); 6) исцеление расслабленного в Капернауме (Мф. 9:1–8; Мк. 2:1–12; Лк. 5:17–26); 7) исцеление сухорукого (Мф. 12:9–13; Мк. 3:1–5; Лк. 6:6–10); 8) исцеление кровоточивой женщины (Мф. 9:20–22; Мк. 5:25–29; Лк. 8:43–48); 9) исцеление глухого косноязычного (Мк. 7:31–37); 10) исцеление слепого в Вифсаиде (Мк. 8:22–26); 11) исцеление иерихонского слепца (Мк. 10:46–52; Лк. 18:35–43) или двух слепцов (Мф. 20:30–34); 12) исцеление слепорожденного (Ин. 9:1–38); 13) исцеление десяти прокаженных (Лк. 17:11–19); 14) исцеление согбенной женщины (Лк. 17:10–17); 15) исцеление больного водянкой (Лк. 14:1–4); 16) исцеление уха первосвященнического раба (Лк. 22:51).

²⁸ Если считать Мф. 9:32–34 и 12:22–24 за два разных эпизода. В таком случае в общий список изгнаний бесов входят: 1) исцеление бесноватого в Капернауме (Мк. 1:21–28; Лк. 4:31–37); 2) исцеление гадаринского бесноватого (Мф. 8:28–34; Мк. 5:1–20; Лк. 8:26–37); 3) исцеление одержимой дочери хананейки (Мф. 15:21–28; Мк. 7:24–30); 4) исцеление бесноватого отрока у горы Преображения (Мф. 17:14–23; Мк. 9:14–32; Лк. 9:37–42); 5) исцеление немого бесноватого (Мф. 9:32–34); 6) исцеление слепого и немого бесноватого (Мф. 12:22–24; Лк. 11:14).

²⁹ Если считать Лк. 5:1–11 и Ин. 21:1–19 за два разных эпизода.

³⁰ Puig Tarrech A. Jesus. P. 363–365.

одно событие (например, Мф. 9:32–34 и 12:22–24; Лк. 5:1–11 и Ин. 21:1–19; Мф. 14:13–21 и Мф. 15:32–39). Другие, напротив, доводят общее количество чудес до тридцати восьми, включая в список краткие упоминания о событиях, имеющих необычный или чудесный характер (например, Мф. 17:24; Лк. 4:30 и Лк. 22:51). Однако и в том и в другом случае цифры включают лишь те чудеса, которые более или менее подробно описаны евангелистами.

Что же касается общего числа совершённых Иисусом чудес, то оно не поддается подсчету: речь может идти о сотнях, если не тысячах исцелений и изгнаний бесов. Об этом свидетельствуют многочисленные места из Евангелий:

И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их (Мф. 4:23–24; ср. 9:35).

Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных, да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: Он взял на Себя наши немощи и понес болезни (Мф. 8:16–17; ср. Ис. 53:4).

И последовало за Ним множество народа, и Он исцелил их всех (Мф. 12:15).

Жители того места, узнав Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных, и просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись (Мф. 14:35–36).

И приступило к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими, увечных здоровыми, хромых ходящими и слепых видящими; и прославлял Бога Израилева (Мф. 15:30–31).

За Ним последовало много людей, и Он исцелил их там (Мф. 19:2).

И приступили к Нему в храме слепые и хромые, и Он исцелил их (Мф. 21:14).

При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых. И весь город собрался к дверям. И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос... И Он проповедовал в синагогах их по всей Галилее и изгонял бесов (Мк. 1:32–34, 39; ср. Лк. 4:40–41).

Ибо многих Он исцелил, так что имевшие язвы бросались к Нему, чтобы коснуться Его. И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним и кричали: Ты Сын Божий (Мк. 3:10–11).

Когда вышли они из лодки, тотчас жители, узнав Его, обежали всю окрестность ту и начали на постелях приносить больных туда, где Он, как слышно было, находился. И куда ни приходил Он, в селения ли, в города ли, в деревни ли, клали больных на открытых местах и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его; и которые прикасались к Нему, исцелялись (Мк. 6:54–56).

И, сойдя с ними, стал Он на ровном месте, и множество учеников Его, и много народа из всей Иудеи и Иерусалима и приморских мест Тирских и Сидонских, которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих, также и страждущие от нечистых духов; и исцелялись. И весь народ искал прикоснуться к Нему, потому что от Него исходила сила и исцеляла всех (Лк. 6:17–19).

А в это время Он многих исцелил от болезней и недугов и от злых духов, и многим слепым даровал зрение (Лк. 7:21).

Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей (Ин. 20:30)³¹.

³¹ Выделения во всех цитатах наши. – М. И.

В Евангелиях также упоминаются отдельные лица, исцеленные Иисусом, в частности, *некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие...* (Лк. 8:2–3). Среди тех, кто постоянно ходил за Иисусом, было, вероятно, немало исцеленных Им мужчин и женщин.

Комментаторы часто обходят вниманием все эти упоминания о многочисленных исцелениях как не содержащие указаний на конкретные события. Между тем они рисуют картину абсолютно уникальную как для истории израильского народа, так и вообще для мировой истории. Нигде и никогда не было зафиксировано такого количества массовых исцелений, как в Евангелиях. За Иисусом ходили толпы людей – иногда их бывало по четыре-пять тысяч. Если учесть мнения ученых о том, что все население Палестины в те времена составляло около полутора миллионов человек³², а население таких городов, как Назарет, состояло из 35 семейств³³, можно себе представить, что посещение Иисусом того или иного города становилось событием, о котором знали все. Иногда, по-видимому, целые города пустели, работы прекращались, если люди тысячами шли за Иисусом в пустыню или на гору, куда Он их вел для того, чтобы отвлечь от обычных дел и заставить услышать слово Божие. Но именно чудеса и исцеления, совершаемые Им в массовом порядке, привлекали к Нему народ – в большей степени, чем Его проповеди.

Евангелия не содержат ни одного эпизода, когда Иисус отказал бы кому-нибудь в исцелении. Но Он отказывался совершать чудеса в тех случаях, когда от Него требовали знамения для доказательства Его мессианского достоинства. Он не захотел совершить ни одно из чудес, которых от Него требовал диавол. Он отказал фарисеям и саддукеям, просившим Его *показать им знамение с неба* (Мф. 16:1–4; Мк. 8:11–12). Чудо ради чуда Его не интересовало. Чудо для доказательства Своего авторитета, подобное некоторым чудесам Моисея (Исх. 4:1–9), Ему было не нужно: Он совершал столько чудес, что не было никакой надобности в дополнительном, показательном-доказательном чуде.

³² Мецгер Б. Новый Завет. Контекст, формирование, содержание. С. 41.

³³ Райт Э. Библейская археология. С. 356.

Мария Магдалина. *Н. К. Бодаревский. Мозаика. 1895–1907 гг.*

К тому же фарисеи требовали чуда якобы для того, чтобы уверовать в Него, тогда как именно вера – главное условие совершения чуда: чудеса являются следствием, а не причиной веры³⁴. Те, кто не хотели верить в совершаемые Им чудеса, отказывались видеть очевидное – подобно Цицерону или рационалистам нового времени, считавшим, что чудес не бывает. Таких рационалистов было немало в Палестине времен Иисуса: саддукеи, например, относились к их числу.

Для всякого непредвзятого читателя Евангелий должно быть очевидно: речь в них идет о личности, какой в истории не бывало ни до, ни после. Чудеса и исцеления – лишь один аспект деятельности Иисуса. Исцеления и даже воскрешения, как мы видели, совершались и ветхозаветными пророками, но это были единичные случаи. В Ветхом Завете обилие чудес было характерно только для определенных эпох (прежде всего для времени исхода Израиля из Египта, когда Бог решил особым образом вмешаться в судьбу Своего народа). Новый Завет рисует картину такого вмешательства Бога в историю, которого человечество не знало ни до, ни после этого. Если даже суммировать все чудеса, описанные в книге Исход, их наберется не больше двадцати (включая десять египетских казней), и происходят они на протяжении не менее сорока лет. Евангелия рисуют нам картину общественного служения Иисуса, продолжавшегося чуть более трех лет (если следовать хронологии, восстанавливаемой на основе Евангелия от Иоанна); при этом чудеса исчисляются сотнями, а возможно, и тысячами.

Чудеса Иисуса отличались от ветхозаветных чудес и знамений не только количеством, но и качеством. В Ветхом Завете было мало «добрых» чудес – таких, которые вызывали бы в читателях чувства радости, любви к Богу. Ветхозаветные чудеса – это прежде всего *тэрата* (знамения), направленные на устрашение, вызывающие ужас, заставляющие не столько преклоняться перед милосердием Бога, сколько трепетать перед Его могуществом. В Новом Завете перед нами предстает «Бог с человеческим лицом» как в буквальном, так и в переносном смысле. Чудеса, совершаемые воплотившимся Богом, по своей тональности очень существенно отличаются от чудес Моисея и ветхозаветных пророков, подобно тому как поучения Иисуса по тону и содержанию отличаются от заповедей закона Моисеева и пророческих книг.

В синоптических Евангелиях термин *тэрата* употребляется главным образом по отношению к чудесам лжепророков (Мф. 24:24; Мк. 13:22). По отношению к чудесам Иисуса синоптики употребляют слово *δυνάμις*, обозначающее проявление силы, могущества (от *δυναμις* – «сила»)³⁵. В четвертом Евангелии чудеса Иисуса обозначаются словом *σημεία* – «знамения» (от *σημεῖον* – «знак»). Для синоптиков чудо – это прежде всего явление силы Божией через Иисуса, а знамение – то, чего просят, но не получают от Иисуса Его противники (Мф. 12:38–39; 16:1, 4; Мк. 8:11–12). У Иоанна, напротив, каждое чудо воспринимается как *σημεῖον* – знак, указывающий на Божественную природу Иисуса, шифр, под которым скрывается реальность, недоступная людскому взору, но раскрываемая посредством веры.

³⁴ *Tolbert M. A. Sowing the Gospel. P. 182.*

³⁵ О значении этого термина у Марка см., в частности: *Kertelge K. Die Wunder Jesu im Markusevangelium. S. 120–125.*

История Ионы. *Миниатюра. X в.*

Впрочем, не следует преувеличивать значение этой терминологической разницы между синоптиками и Иоанном. Слово σημεία («знамения») в Евангелии от Марка употребляется и применительно к знамениям лжепророков (Мк. 13:22), и по отношению к тем чудесам, которые ученики Иисуса будут творить во имя Его (Мк. 16:17). «Знамение Ионы пророка» – то единственное чудо Иисуса, которое у синоптиков обозначается термином σημείων.

Прочие чудеса в каком-то смысле являются провозвестниками этого главного чуда евангельской истории.

Совершить исцеление для Иисуса было так же естественно, как для врача прописать лекарство обратившемуся к нему больному. Целительная сила исходила из Него даже без Его воли – когда Он не намеревался совершить чудо: от простого прикосновения к Нему люди исцелялись (Лк. 8:46).

Чудеса Иисуса были мотивированы прежде всего Его желанием помочь людям, облегчить их страдания. Мы не находим такой мотивации у ветхозаветных героев за исключением единичных эпизодов. В назаретской синагоге Иисус применяет по отношению к Себе слова

пророка Исаии: *Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное* (Лк. 4:18–19; ср. Ис. 61:1–2). В этих словах пророк описал Того, с Кем были связаны мессианские ожидания, на Кого возлагались упования, в Ком видели спасение. История израильского народа до Иисуса не знала такого человека: Иисус пришел, чтобы исполнить эти ожидания, и не только исполнить, но и превзойти. Об этом свидетельствуют слова, сказанные Им посланникам Иоанна Крестителя: *Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют* (Мф. 11:4–5).

Новолетие. Фреска. XIV в.

Лето Господне благоприятное наступило с пришествием в мир Иисуса Христа, и именно этим объясняется то обилие исцелений и чудес, которым сопровождалась Его деятельность. Это был особый период в истории не только Израиля, но и всего человечества. Богу было угодно именно в этот конкретный момент человеческой истории послать в мир Своего Сына, чтобы Он изменил мир раз и навсегда. Да, Его чудеса убедили не всех, так же как Его поучения и притчи не привели к покаянию всех, кто их слышал. Но мы можем полагать, что все, кто хотели получить от Него исцеление, получали его, так же как все, кто хотел последовать Его учению, следовали ему. Иисус, судя по всему, никому не отказывал, даже если иногда по каким-то причинам не сразу откликнулся на просьбу об исцелении (Мф. 15:23; Мк. 7:27; Ин. 11:6). Неисцеленными и неверовавшими оставались только те, кто в Него не верил, как и в наше время, несмотря на имеющееся *облако свидетелей* (Евр. 12:1), одни не хотят верить в Божественность Иисуса, другие – в Его чудеса, третьи – в то, что Он вообще существовал.

Были ли в жизни Иисуса случаи, когда Он не мог совершить исцеление? Оказывается, были. В Евангелии от Матфея рассказывается о том, как жители родного города не захотели признать в Иисусе Мессию на том основании, что Он плотников Сын и что Его братья и сестры продолжают жить на том же месте. Рассказ заканчивается словами: *И не совершил там многих*

чудес по неверию их (Мф. 13:58). В параллельном повествовании Марка говорится еще более определенно: *И не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив руки, исцелил их. И дивился неверию их...* (Мк. 6:5–6). Иисус не мог совершить чудо, если у тех, над кем чудо могло совершиться, не было веры.

Каждое чудо, совершаемое Иисусом, является для его участников актом богообщения, потому что в Его лице они встречают Бога воплотившегося. У многих исцеление от телесной болезни сопровождается духовным прозрением. Слепорожденного, исцеленного от слепоты, Иисус спрашивает: *Ты веруешь ли в Сына Божия?* Тот, в свою очередь, спрашивает Иисуса: *А кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?* Иисус отвечает: *И видел ты Его, и Он говорит с тобою.* Слово *видел* имеет особый смысл для человека, который еще несколько часов или дней назад не знал, что значит видеть, для которого весь мир заново открылся благодаря целительной силе Иисуса. Бывший слепой отвечает словами: *Верую, Господи!* И поклоняется Ему (Ин. 9:35–38). Физическое исцеление от слепоты перерастает в духовное прозрение, происшедшее благодаря встрече человека с Богом.

В Ветхом Завете лишь немногие избранники Божии удостоивались такого общения с Богом, которое можно было бы назвать встречей лицом к лицу. О Моисее с изумлением рассказывается, что Бог говорил с ним *лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим* (Исх. 33:11). В Евангелиях перед нами проходят десятки персонажей, с каждым из которых воплотившийся Бог говорит как с другом. Люди слышат Его поучения, присутствуют при совершении Им чудес, и каждая встреча с Ним становится встречей с Богом – Тем, Который не скрыт от людей в облаке на вершине горы (Исх. 19:16), но Который приходит в самую гущу человеческой обыденности для того, чтобы сделать эту обыденность чудом.

4. Чудеса Иисуса в современной новозаветной науке

Чудеса Иисуса не поддаются рациональному объяснению, однако ставить под сомнение саму их возможность, считать их лишь благочестивыми легендами, сочиненными последователями Иисуса много десятилетий спустя, – значит вычеркивать из Евангелий огромный пласт свидетельств, весьма многочисленных и разнообразных. Евангелие без чудес перестает быть «благой вестью», так как из него изымается важная часть того, что составляет самую суть этой вести³⁶.

«Иисус минус чудеса»³⁷ – это искусственный научный конструкт, не соответствующий евангельскому образу Христа. Такие произведения, как «Жизнь Иисуса» Гегеля или Ренана, уже в силу того, что игнорируют повествования о чудесах, не пытаются вдуматься в них и дать им какое-либо толкование, теряют связь с реальным, историческим Иисусом. От них – лишь один шаг полного отрицания историчности Иисуса из Назарета.

Мы уже приводили наиболее показательные цитаты из книг философов-рационалистов, касающиеся чудес. Некоторые из этих цитат сегодня вызывают улыбку – например, слова Канта о том, что «мудрые правительства», хотя и могут допустить, что в старину чудеса действительно бывали, «новых чудес уже не позволяют». Однако скептический взгляд на феномен чуда, на все сверхъестественное и не поддающееся рациональному объяснению, так же распространен в наши дни, как в эпоху Просвещения. Аргументы сегодня используются иные, но суждения скептиков в отношении чудес так же безапелляционны³⁸. Дж. Тайсон, автор книги «Новый Завет и раннее христианство», утверждает:

Проблема для современного историка заключается в том, что он или она просто не имеет такой опции – объяснения событий в терминологии беснования или чуда. Мы просто не можем принять подобное мировоззрение. Оно – часть наследия, которое мы имеем как граждане мира в определенную эпоху, но древний взгляд на мир, каким Бультман описал его, сегодня просто вышел из употребления³⁹.

Упомянутый в данном тексте Рудольф Бультман (1884–1976) – влиятельный немецкий теолог XX века, наиболее известный представитель школы «демифологизации» Евангелия – воспринимал все описанные в Евангелиях истории, касающиеся исцелений и изгнания бесов,

³⁶ Crane T. E. The Synoptics. Mark, Matthew and Luke Interpret the Gospel. P. 34–35. Cp.: O'Collins G. Jesus. P. 76.

³⁷ Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. II. P. 618.

³⁸ См.: Flew A. N. Neo-Humeian Arguments about the Miraculous. P. 49–51.

³⁹ Tyson J. B. The New Testament and Early Christianity. New York, 1984. P. 138.

как часть того мифологического мира, в котором жили древние и который безвозвратно ушел в прошлое. По его мнению, вера в чудеса несовместима с использованием благами научно-технического прогресса. Эту идею ученый проводит последовательно и категорично:

Познание сил и законов природы покончило с верой в духов и демонов. Небесные светила для нас – природные тела, движение которых подчинено космической закономерности, а вовсе не демонические существа, порабащивающие людей и заставляющие их служить себе. Если они и влияют на человеческую жизнь, то это влияние объяснимо в рамках природного порядка и не есть следствие их демонической злобы. Болезни и исцеления имеют естественные причины и не связаны с кознями демонов или экзорцизмами. Тем самым новозаветным чудесам приходит конец. И тот, кто хочет спасти их историчность, объясняя «чудеса» влиянием нервных расстройств, гипноза, внушения и т. п., тот лишь подтверждает их конец в качестве чудес. Сталкиваясь в телесных и душевных явлениях с загадочными, пока неизвестными нам силами, мы пытаемся найти им рациональное объяснение. Даже оккультизм выдает себя за науку. Нельзя пользоваться электрическим светом и радио, прибегать в случае болезни к современным лекарственным и клиническим средствам и в то же время верить в новозаветный мир духов и чудес. Тот, кто полагает это возможным для себя лично, должен уяснить: объявляя это позицией христианской веры, он делает христианское провозвестие в современном мире непонятым и невозможным⁴⁰.

Неясно, для какой цели ученый приплетает к своей аргументации небесные светила: нигде в Евангелиях им не приписываются демонические свойства. Попытки объяснить евангельские чудеса при помощи ссылок на гипноз, внушение или оккультизм действительно несостоятельны: с этим нельзя не согласиться. Что же касается рассуждений о невозможности чудес при электрическом свете, то они могут быть убедительны только для тех, кто отвергает возможность чудес в принципе. Эти рассуждения отдают тем же наивным позитивизмом, что и слова Канта о мудрых правительствах, не допускающих чудес.

Мало кто из современных исследователей Нового Завета решается на повторение идей Бультмана в тех же выражениях, в которых он их высказывал. Тем не менее влияние этих идей не изжито. На долгие десятилетия Бультман отравил западную новозаветную науку своими измышлениями и фантазиями, и многие ученые по-прежнему посвящают сотни страниц анализу и развитию его концепций вместо того, чтобы обращаться к самому евангельскому тексту в поисках ответов на вопросы, касающиеся жизни и учения Иисуса.

В отношении чудес Иисуса многие авторы предлагают подходы, отличные от бультмановских по языку, но сходные по содержанию⁴¹. Историчность чудес, говорят нам эти авторы, не обязательно ни принимать, ни отрицать. В рассказах о чудесах главное – их содержание, та весть, которую они несут.

Еще в конце XIX века была выдвинута идея о том, что к рассказам о чудесах можно подходить так же, как к притчам, – не потому, что они не имели место в действительности, и не потому, что рассказ, изначально существовавший в качестве притчи, был ранней Церковью трансформирован в историческое повествование, а потому что в Евангелиях рассказы о чудесах выполняют ту же функцию, что и притчи: служат указанием на искупление⁴². Эта идея сегодня имеет немало сторонников среди исследователей Нового Завета. Один из них пишет: «Перед вызовом современного рационализма христианские мыслители часто признавали важ-

⁴⁰ Бультман Р. Новый Завет и мифология. С. 305.

⁴¹ См., в частности: Theissen G. The Miracle Stories of the Early Christian Tradition. P. 1–40.

⁴² Bruce A. B. The Miraculous Element in the Gospels. P. 309.

ность семиотического характера библейских чудес. Чудеса одновременно открывают и скрывают, служа знаками для верующих и отпугивая неверующих, точно так же, как притчи»⁴³.

Метод анализа форм, экспонентом которого был Бультман, основывался на четком разделении между различными формами или жанрами, к которым принадлежат те или иные евангельские отрывки: притча и рассказ о чуде являются двумя такими формами, каждая из которых требует своего герменевтического подхода. Ряд современных исследователей считает, что функциональный критерий важнее формального: если рассказ о чуде выполняет в Евангелии ту же функцию, что притча, то и интерпретировать его надо, используя те же методы, что используются для интерпретации притч. При таком взгляде, как утверждается, вопрос об историчности чудес отходит на второй план⁴⁴.

Этот взгляд, однако, чреват опасностью аллегоризации и символизации описанных в Евангелии чудес Иисуса. Если эти чудеса не были реальными событиями, значит мы имеем дело с фальсификацией, пусть даже и благонамеренной. Поэтому мнение о том, что, по крайней мере в некоторых случаях «весь рассказ о чуде мог вырасти из драматизации изречения или притчи Иисуса»⁴⁵, должно быть отвергнуто.

Наиболее убедительным представляется подход тех ученых, которые не сомневаются в историчности чудес Иисуса, подчеркивая при этом, что в евангельских повествованиях рассказы о чудесах, как и притчи, выполняют определенную учительную функцию. Х. ван дер Лоос, автор детального исследования темы, настаивает на том, что евангельские рассказы о чудесах «исторически достоверны»⁴⁶. При этом он отмечает:

Иисус Христос явил Себя не только в том, что Он говорил, но и в том, что Он делал... И слово, и чудо являются функциями Царства Небесного, но каждое в своем роде, даже если кажутся тесно взаимосвязанными одно с другим. В обоих случаях Бог каким-то образом «Себя ведет», в обоих входит в контакт с человеком, нуждающимся в Нем физически или духовно. В обоих случаях Бог вместе с человеком «творит историю». В то же время чудо как часть Божьего действия не может быть вмещено в прокрустово ложе обычной человеческой истории. Оно происходит поверх обычных явлений и вопреки известному порядку вещей⁴⁷.

Ученый приходит к заключению, что единственным средством, при помощи которого чудо может быть правильно интерпретировано, является вера. Чудеса Иисуса «не могут быть просто приняты к сведению, даже если это делается с симпатией. Они составляют жизненно важную часть Евангелий, которая не может быть просто отброшена». Своими чудесами Иисус открыл человечеству «новую реальность», которая может быть понята только через веру: «... в этой реальности, вне и вопреки известным правилам порядка и закономерности в природе, Он провозгласил Свою свободу, силу и любовь как Сын и Господь, посланный Отцом»⁴⁸.

То, что Бультман называл мифологической картиной мира, в действительности представляет собой религиозное мировоззрение, основанное на библейском Откровении. Оно предполагает существование не только Бога, но и ангелов и демонов, не только естественных феноменов, вписывающихся в рамки природных законов, но и сверхъестественных, выходящих за эти рамки. Именно это мировоззрение отражено на страницах Ветхого и Нового Заветов, и

⁴³ *Blomberg C. L. New Testament Miracles and Higher Criticism. P. 426–427.*

⁴⁴ *Blomberg C. L. The Miracles as Parables. P. 327–328.*

⁴⁵ *Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. II. P. 647.*

⁴⁶ *Loos H. van der. The Miracles of Jesus. P. 699.*

⁴⁷ *Ibid. P. 701–702.*

⁴⁸ *Loos H. van der. The Miracles of Jesus. P. 706.*

именно внутри него чудеса Иисуса приобретают ту достоверность, которую можно установить только при помощи религиозного опыта.

Критерии достоверности, применяемые по отношению к чудесам Иисуса современной наукой, могут быть убедительными только в качестве дополнений к этому опыту. К числу таких критериев относятся: 1) многочисленность свидетельств в разных источниках (Матфей, Марк, Лука, Иоанн); 2) разнообразие литературных форм, в которых дошли рассказы о чудесах Иисуса (исцеления, изгнания бесов, чудеса, связанные с природой, воскрешения мертвых); 3) согласованность свидетельств (отсутствие внутренних противоречий в многочисленных сохранившихся свидетельствах). Наличие данных критериев исключает возможность того, что все эти свидетельства были просто сфабрикованы ранней Церковью⁴⁹.

⁴⁹ *Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. II. P. 619–625, 630.*

5. Сын Божий или «Божественный муж»?

В научной литературе, посвященной чудесам Иисуса, считается хорошим тоном сравнивать Иисуса с другим чудотворцем древности – Аполлоном Тианским (1-98 н. э.), философом-неопифагорейцем, родившимся почти одновременно с Иисусом, но надолго пережившим Его⁵⁰. «Жизнь Аполлония Тианского», написанная Флавием Филостратом в III веке, содержит описание девяти чудес, часть которых имеет некоторое внешнее сходство с чудесами, совершёнными Иисусом. Так, например, в произведении описывается случай изгнания беса из одержимого юноши по просьбе его матери⁵¹, напоминающий эпизод с исцелением дочери хананянки (Мф. 15:22–28; Мк. 7:25–30).

Сходство между евангельскими чудесами и чудесами, описанными в «Жизни Аполлония Тианского», заставило некоторых ученых предположить, что евангелисты могли испытать на себе влияние тех устных преданий, которые легли в основу этого памятника⁵². Такое предположение, однако, не подтверждается никакими источниками. Гораздо вероятнее обратное влияние: Филострат, живший в III веке, вполне мог быть знаком с христианской литературой и заимствовать из нее фактуру, которая легла в основу его рассказов о «чудесах» Аполлония. Более того, при чтении жизнеописания Аполлония, особенно в тех эпизодах, где рассказывается о его «чудесах», нельзя отделаться от ощущения, что перед нами – пародия на евангельские повествования о чудесах Иисуса⁵³.

Именно так восприняли труд Филострата в христианской среде, о чем свидетельствует церковный историк IV века Евсевий Кесарийский. По его сведениям, в эпоху гонений императора Диоклетиана римский чиновник Иерокл, бывший префектом Египта в 307–308 годах, в сочинении «К христианам» воспользовался указанным произведением Филострата для сравнения Иисуса Христа с Аполлоном. Сочинение Иерокла до нас не дошло, но сохранилось его опровержение, принадлежащее Евсевию. Последний на протяжении всего своего труда доказывает, что Аполлоний был колдуном, оперировавшим демонической энергией: «Даже если

⁵⁰ См., напр.: *Puigi Tarrech. Jesus. P. 365, 371; Meier J. P A Marginal Jew. Vol. II. P. 576–581; Klutz T The Exorcism Stories in Luke – Acts. P. 121–125; Achtemeier P. J Jesus and the Miracele Tradition. P. 207; Blackburn B. Theios Aner and the Markan Miracle Traditions. P. 73–85; Jefferson L. M. Christ the Miracle Worker in Early Christian Art. P. 28–37.*

⁵¹ *Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. 3, 38. С. 68.*

⁵² *Petzke G. Die Traditionen uber Apollonius von Tyana und das Neue Testament. S. 68–72.*

⁵³ В «чудесах» Аполлония ученые усматривают элементы фокусничества и обмана, а в его отношении к людям – признаки гордыни и самомнения. См.: *Evans C. A. Jesus and His Contemporaries. P. 249–250.*

допустить, что писатель говорит о чудесах правду, то из его же слов при этом явствует, что всякое из них совершалось при содействии беса»⁵⁴.

Интерес к фигуре Аполлония Тианского в современной новозаветной науке во многом связан с желанием найти «научное» объяснение феномену чудес, занимающему столь значительное место в евангельской истории Иисуса. Ученые, исходившие из того, что между «историческим Иисусом» и временем написания Евангелий прошло несколько десятков лет, в течение которых Его жизнь постепенно обрастала мифологическими подробностями, изобрели теорию, согласно которой образ Иисуса в Евангелиях был смоделирован по образцу «божественных мужей», о которых говорилось в древнегреческой и древнеримской литературе. Слово сочетание «божественный муж» (θεῖος ἀνήρ, или θεῖος ἄνθρωπος) в Новом Завете не встречается: оно было сконструировано учеными и до сих пор используется в научной литературе, посвященной Иисусу как чудотворцу.

О том, что концепция «божественного мужа» целиком соткана из натяжек, мы уже говорили в другом месте⁵⁵. Иисус не был лишь одним из мужей, обладавших чудотворными силами. Он был Сыном Божиим, и только в свете этого понимания Его чудеса могут быть объяснены и оценены во всем их многообразии. Никаких реальных аналогов Его деятельности мы не находим ни в греческой, ни в римской, ни в позднейшей еврейской литературе. Даже если признать достоверными рассказы о чудесах, встречающиеся в этих литературных традициях, ни один из литературных персонажей даже близко не подходит к Иисусу ни по количеству, ни по качеству совершённых чудес, знамений и исцелений.

* * *

Рассматривая чудеса Иисуса в настоящей книге, мы будем исходить из нескольких посылок: 1) все рассказы о чудесах исторически достоверны; 2) в каждом рассматриваемом случае Иисус действует как Бог и человек одновременно; 3) каждое повествование о чуде не просто является отчетом о произошедшем событии, но и несет в себе конкретное духовно-нравственное содержание; 4) каждое чудо является плодом синергии – совместного действия Бога и того конкретного человека, над которым чудо совершается.

⁵⁴ Евсевий Памфил. Против Похвального слова, написанного Филостратом в честь Аполлония. 35 (Flavii Philostrati opera. P. 398).

⁵⁵ См.: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Книга I: Начало Евангелия. С. 111–112.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.